

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**ФАНТАЗИИ БЕС-
СОЗНАТЕЛЬНОГО**

Оглавление

О КНИГЕ	4
ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ 1	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	39
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	54
Глава 10	66
Глава 11	69
Глава 12	73
Глава 13	78
Глава 14	84
Глава 15	89

Глава 16	100
Глава 17	103
ЧАСТЬ 2	105
Глава 1	105
Глава 2	107
Глава 3	116
Глава 4	118
Глава 5	120
Глава 6	125
Глава 7	128
Глава 8	131
Глава 9	137
Глава 10	139
Глава 11	141

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

"Страсть к страсти моей женщины есть моя собственная страсть..."

Э. Лимонов.

С.А.

Зелинский

Фантазии

бессознательного

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский. Фантазии бессознательного

С. А. Зелинский.

Фантазии бессознательного. Роман.—

CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency
Inc, 2014. — 174 с.

ISBN 9781312542143

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной
книги не может быть воспроизведена в какой бы
то ни было форме без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

роман

Фантазии бессознательного

"Страсть к страсти моей женщины есть моя собственная страсть..."

Э. Лимонов.

Пролог

Изначально ошибаются те, кто считает, что наша психика живет по каким-то своим, неведомым большинству, законам.

В какой-то мере это конечно так. Но гораздо справедливее было бы считать, что только нахождение в культурной среде (веяние цивилизации) вынуждает индивида подчиняться соответствующим законам существования, навязываемым (уже получается) обществом. Тогда как если тому или иному индивиду будет дана соответствующая воля,-- человек начнет жить по несколько иным правилам. А его жизнь будет подчинена совсем, быть может, даже и иному жизненному распорядку.

Часть 1

Глава 1

Марат Веригин, 43-х летний мужчина вполне обычного телосложения, со светлыми средней длины волосами, в белом костюме и рыжих ботинках сидел на веранде своего летнего дачного домика, и думал, зачем, собственно говоря, он сюда приехал?

Выходило так, что Марат Израилевич часто в последнее время задавался подобными вопросами. Они приходили как бы сами собой. В большинстве случаев - его совсем не спрашивая.

И выходило так, что как бы он не пытался проследить начало их возникновения - в большинстве случаев это оказывалось вовсе даже безрезультатным. А он тоогда думал: как же это выходило так?

.....

Задавался он всеми этими, как будто уже и ненужными, вопросами потому, что считал, что с недавних пор его жизнь вступила в более-менее размеренный распорядок. И необходимо было как минимум - его не нарушать.

В том, что это было не так - Веригин, к сожалению, убеждался все чаще. И иногда ему даже хотелось бросить все, и какое-то время бежать сломя голову хоть куда-нибудь. Чтобы, значит, потом остановиться, и, поймав себя на мысли, что он сделал очередной поступок откровенного придурка, опустить вниз голову, и поплестись назад. Чтобы какое-то время больше никуда не бегать.

.....

Сказать, что Марат Веригин был странным, наверное нельзя. Ну или было бы по крайней мере слишком преждевременным. Да и он вряд ли себя таким находил сам.

Но и говорить что-либо о нем еще - тоже было неправильным. Хотя, тогда уже, и странность Веригина если и заключалась в чем еще,

то... Скорей всего,-- в этом она больше всего и проявлялась. В чем? В сексуально-извращенных пристрастиях нашего героя. Который любил...

Веригин очень любил, когда его бьют. Несильно так. И от этих вот поглаживаний розгами (розги мог имитировать любой подручный инвентарь, начиная с женского брючного ремня и заканчивая свернутым в трубочку вафельным полотенцем) тело Веригина наливалось самой что ни на есть сексуальной энергией. А его мужское достоинство возрастало порой до невероятных размеров. Так что уже и сам Веригин замирал, любуясь своим набухшим членом; словно бы смотрел на него другими глазами. Думая про себя, что это богатство, быть может даже, и не его. Но тогда чье? Никого рядом кроме той или иной женщины, которая и сама любила достигнутому с ее помощью "эффекта", не было.

Женщины Веригина, кстати, большей частью особы были достаточно сексуально одаренные. Или просто грамотные. Настоящие, можно сказать, профессионалки. Которые занимались сексом по несколько раз в сутки в течение многих лет. И которые уже сами иной раз путались - работа это была их, или удовлетворение собственных низменных желаний. Жизненных желаний. Ведь, по сути, желания эти были продиктованы жизнью. Пусть и жизнь получалась в исполнении всех этих женщин очень даже мудреная. Большой частью должно быть все-таки из-за неумных фантазий мужиков, которые их заказывали. Ибо почти все без исключения женщины Веригина работали в порноагентствах. Числясь там массажистками того или иного профиля. Хотя и специализация у них была исключительно одна. А работа... Работа была подчинена тоже одному:

удовлетворению сексуального желания мужчин. Которые платили за это достаточно приличные деньги (до полутысячи и тысячи долларов за 2-3-4 часа). Потому что и агентства все, большей частью, были приличные. И девушки туда шли почти исключительно с модельных подмоетков Москвы или Санкт-Петербурга (главным образом Санкт-Петербурга). А еще девушки умели - если надо - поддержать беседу. И их этому специально учили. В том числе и некоторые из клиентов. Из постоянных клиентов. Одним из которых и являлся Марат Израилевич Веригин. Сценарист. Его фильмы вполне успешно шли на экранах страны. Хотя он и не смотрел ни одного из них. То ли считая, что режиссеры безбожно искажают тот или иной его замысел. То ли полагая, что услышит не совсем нужную ему реакцию зрителей. Ну а может и просто рассудив, что если работа над сценарием закончена, то ему незачем вновь возвращаться к прошлому. Ибо работа над тем или иным сценарием - по окончании того -- всегда оставалась для Веригина в прошлом. А к прошлому с недавних пор он не очень охотно любил возвращаться. Быть может даже он боялся этого самого прошлого. И уже оттого вполне можно предположить, что таило оно в себе нечто не совсем приятное для него. Для его психики. Можно даже сказать - болезненной психики. Психики, которая хоть и оставалась подчинена каким-то общим принципам,--все равно иной раз выписывала очень даже любопытные коленица. Словно бы и непредсказуемые для Марата Веригина. Вот так вот.

.....

Когда били Веригина, он видимо считал это чем-то собой
разумевшимся. Притом что неправильным было бы сказать, что били

его сразу как только он переступал порог публичного дома. Тем более что желание избиения почти исключительно исходило всегда от Веригина. Почти,-- потому что женщины иной раз домысливали за Марата Израилевича то, чего бы он желал. И так как желание и у него и у других клиентов сексуальных агентств в чем-то были схожи,-- то действия девушек вполне совпадали с тем, что хотел бы от них получить Веригин. Да и, если честно, в том агентстве куда обращался за услугами Марат Израилевич вполне предусматривались женские фантазии.

Причем за особое фантазирование платили дополнительные деньги (что-то навряд премии). И девушки очень даже охотно шли на это. И даже не столько, сколько из-за денег. Порой главным был сам процесс. А остальное словно бы и предусматривалось. Само собой предусматривалось. В виде бонусов. Получение которых было возможно. Хотя и не совсем обязательно.

.....

Что до Веригина, так он любил все необычное. Можно даже сказать, что то, что другими по каким-то причинам было отвергнуто - Марат Израилевич принимал с еще даже большим воодушевлением.

И это была его маленькая тайна. Тайна, которую Марат Израилевич очень любил, когда кто-либо понимал кроме него. И разгадывал. Опуская руку (маленькую такую ручку с длинными тонкими маникюренными пальчиками) ему в штаны. Шебурша там. И пробуждая в нем желание. Которое уже и так вздымало вверх все что угодно. И в такие минуты можно сказать, что вокруг Веригина - стояло все!

И он даже как-то неестественно распрямлял спину. Являя окружающим очень даже гордую осанку. И это при том, что он и раньше-то ходил не очень осунувшись. А теперь...

--Ложись,-- девушка приказала Веригину лечь в постель, высвобождаясь попутно от розовых трусиков, и собираясь видимо водрузиться сверху.

Несмотря на то, что penis Марата Израилевича было по сути все равно, каким образом он придет в соприкосновение с женской плотью, сам Веригин этому несколько противился. Это нарушало привычный (традиционный для его нахождения в местах "соответствующего" заведения) распорядок действий. Своеобразный план. По которому сначала требовалось поласкать рукой его penis и яички; потом сделать тоже самое языком и губами; потом - волосами (волосы у девушек должны быть обязательно светлыми и соответствующей длины); потом... потом возможны были небольшие вариации. Но все же желательно чтобы сама кульминация наступила при проникновении сзади. В то время как девушка должна была находиться на четвереньках. Или упираться руками в постель. Чтобы Веригин мог войти поглубже.

--Ложись,-- Илона повторила свой приказ. Только сейчас, на миг обернувшийся Марат Израилевич понял, что это была она. Илона Дапкунайте. Можно сказать, женщина его мечты. Двадцатисемилетняя, худая, стройная, высокая, закончившая в свое время лит.институт им. Горького в Москве, куда она приехала из родной Прибалтики, и уже несколько лет как переехавшая в Санкт-Петербург.

Илона Дапкунайте была женой Марата Веригина. Хотя и брак их еще не был оформлен соответствующим образом. Несмотря на почти четырехлетнюю совместную жизнь. Практически совместную жизнь. Когда со стороны казалось, что самое основное в их жизни -- это секс. Притом что сами, ни Веригин, ни Илона так не считали. Как никто из них и не считал, что является собственностью другого. Да и какая может быть собственность? Когда вы и живете как вроде бы в отдельных квартирах (у Илоны - 3-х, а у Веригина 4-х комнатные; Веригин дополнительную площадь успел получить как член союза писателей еще перед самым распадом Союза; тоже самое - как поэтесса и член того же союза - получила Илона). И не встречается больше нигде, кроме как в постели. А после расходитесь, и засыпаете каждый у себя дома.

Илона (грудь, кстати, у нее была 4-го размера) и Марат познакомились несколько лет назад. Хотя обоим казалось, что знали они друг друга значительно раньше. Притом что точной даты никто из них припомнить не мог. И даже не из-за того, что они не были способны на какие-то воспоминания. Совсем нет. Скорее всего,-- именно это можно было предположить,-- не хотели. Ибо как только начинал что-то вспоминать Веригин - так почти сразу к нему в голову приходили почти исключительно одни непристойности. А Илона... Илоне отчего-то становилось больно. Просто больно. От такого рода воспоминаний. Хотя они, должно быть, и не были связаны и ни с чем иным, как с чем-то несуществующим. Того, что, быть может, никогда и не было. Но что предусматривалось в каких-нибудь неумных фантазиях ее разума. Который словно бы иной раз и отказывал ей. И тогда начинали происходить какие-нибудь безобразия. Хотя и за существование их Илона никогда бы не смогла в полной мере

поручиться. Словно они были,-- и в то же время их не было. Причем иногда казалось, что и на самом деле не было. Вот разве что...

.....

--Ложись,-- стоявшая над Веригиным женщина повторила команду, хотя он уже, по сути, лежал. Точнее - "укладывался".

Причем, что будет делать женщина - Веригин не знал. Ведь во всех его сексуальных отношениях с кем-либо предусматривался в первую очередь экспромт. И уже излишним было бы упоминать о том, что дозволялось почти все. За исключением, быть может, самых жестоких проявлений сексуальных безумств. Которых, по большому счету, никогда и не было. Хотя, опять же, правильность или ошибочность любого мнения, - есть лишь наша проекция на то или иное жизненное обстоятельство. Которое и подчиняло даже в иных случаях эти самые обстоятельства. Вынуждая жить так или иначе. И что уж наверняка,-- нисколько быть может и не подстраиваясь под них.

.....

--Ложись!

--Ты уверена,-- хотел, было, произнести Веригин, но почувствовал, как женщина уселась на его лицо, желая видимо найти более уместное занятие его языку.

--Все хорошо,-- сквозь зубы процедила Илона, решив, что что-нибудь должна сказать мужчине, который принялся вылизывать ее промежность, и отчего девушке было очень даже приятно. Хотя она

больше уже не произнесла ни слова. Издавая лишь звуки. Стоны, главным образом. Символизирующие и получаемое ей удовлетворение (у Веригина от этого сразу же встал), и то, что он, собственно, движется в правильном направлении.

Больше Веригин пока ничего не делал. И как-то по особенному обрадовался, когда ощутил на своем penis губы Илоны. При этом Илона, пососав какое-то время, видимо вспомнила, что что-то в ответ может получать и сама. Поэтому, продолжая делать свою работу (Веригин отметил про себя, что сосет она хорошо), чуть пошире развела свои ноги, словно желая (и для того, чтобы, собственно), чтобы помимо губ и языка, в ее вагину пролезла и голова Марата Израилевича. Который, надо отдать ему должное, ощущая что его penis в надежных руках (ну то ест губах), принялся еще быстрее лизать pizdu женщины. Теперь еще и всасывая в себя то, что ему удавалось захватить своими губами и вскоре должно быть уже и не в силах сдерживаться, собираясь разрядиться в рот Илоны.

Но сдержался. Потому что за доли секунды до того, девушка поменяла диспозицию. И теперь пыталась всунуть в свой анус его член. А он (чтобы, видимо, облегчить ей это), поставил ее на четвереньки, потом, подумав, и вовсе положил ее на живот, сам раздвинул то, что было надо, и вошел между ее ягодиц. Показавшихся ему очень даже аккуратными. И вообще аппетитными. От одного вида которых уже можно было бы кончить. Словно бы и заранее.

Но Марат почувствовал, что все теперь только начинается. И его член теперь с четверть часа уподобился поршню. А потом проник чуть пониже. И словно бы угадал еще одно желание девушки. Потому что уже оказалось, что кончать ему и вовсе не разрешается. А как минимум полчаса (перевернув Илону на спину) должен был

трудиться. Стараясь не смотреть в лицо Илоны. Потому что можно было уже кончить только из-за этого. Ведь мимика была такая...

Наверное женщина представляла, что ее насилует рота солдат. И получаемого ей наслаждения было столько, что оно совсем уже и не вмещалось в нее. Рассеиваясь исходившими от Илоны лучами радости и оргазмоистического удовольствия. Потому что оргазма уже она на самом деле испытала столько, что совсем как будто было и не нужно еще. Но ведь больше, должно быть, это не меньше. Хотя в иных случаях лучше и в чем-то недодать. Но если так, то лишь для того, чтобы в следующий раз дать больше. Хотя и на самом деле хорошо было всего в меру. Если эту меру, кто-нибудь, разумеется знал. Или - устанавливал. (Что было, может, и вовсе уже невозможно).

Случайно бросив взгляд на часы, Веригин заметил, что трахает Илону уже сорок пять минут.

--Академический час,-- отметил он про себя, вспомнив институтские годы, когда у него, бывало, тоже случались приключения.

Ну, например, когда в течении получаса его член сосали две однокурсницы, устроившиеся под его партой. Причем самое трудное в этом случае было, конечно же, сдерживать свои какие-то эмоции. Чтобы не заметил преподаватель. Точнее - преподавательница. Тем более что Веригин давно уже представлял, что это именно она (доцент Борисова Татьяна Захаровна) сосет его член. Причем, хоть Веригин был уверен (более чем уверен) что это не так, он почему-то считал, что у нее тоже бы получилось очень даже неплохо. И, по крайней мере, не хуже его однокурсниц. Которые находили какое-то особенное наслаждение,-- попеременно всасывая в свои губы его penis.

Причем иногда это у них получалось синхронно. И тогда Веригину уже действительно приходилось с трудом сдерживаться.

Но это было необходимо. Чтобы хотя бы не выдать их (а заодно себя).

И должно быть в такие минуты представлял он себя что-то наподобие разведчика. Хотя подумать о том, приходилось ли так когда-нибудь терпеть подобное хоть одному разведчику - он не мог. Не было сил. Или просто времени. Потому что время это бежало с быстротечностью самых безумно спешащих в мире часов. Которых, быть может, на самом деле и не было. А то и не существовало.

Но Марат Веригин уже знал, что сейчас ведь - совсем не то, как тогда.

И ему совсем не необходимо скрывать какие-то свои эмоции. Поэтому он (стоило ему только в полной мере осознать это) уже чуть ли не кричал. Особенно когда Илона почти окончательно всосала в свою глотку его член; в то время как средний палец одной из рук его (так же - до максимума) вошел ей в анус; пальцами же другой руки он ей щекотал клитор. Отчего девушка совсем уже билась в оргазмоистических припадках. Кончая безудержно. До тех пор, пока сам Веригин не сделал то же самое в ее рот. Причем ему показалось, что получилось у него это дважды. А за весь вечер уже и не сосчитать.

Глава 2

Георгий Михайлович Перечнев совсем не думал, что все будет так плохо.

Так уж выходило, что сколько бы он не пытался изменить обстоятельства собственной жизни, они словно бы назло ему наслаивались одно на другое; причем словно бы специально таким образом, чтобы ему было еще хуже. Еще хуже, чем это могло, может быть, и быть на самом деле. В то время как ему, конечно, очень хотелось, чтобы чего-то подобного не было. И чтобы (если пока было) - больше никогда не повторилось.

Георгию Михайловичу было под пятьдесят. И можно сказать, что всю жизнь он мучился от своей ненужности в этом мире.

--Быть может все дело во мне? - задавался Георгий Михайлович вопросом.

И каждый раз, когда этот вопрос рождался в нем, Георгию Михайловичу удавалось убедить себя, что это на самом деле не так. И даже более того: зарождалась надежда, что все еще можно было изменить. А в другой раз - не допустить этого.

Так ли это было на самом деле?

Нет. Так это не было.

Не было на самом деле. Но Георгию Михайловичу очень хотелось бы, чтобы все это так все-таки было. И он даже был уверен, что у него получится изменить обстоятельства. И все наладится. Хотя?.. Ведь он вполне отдавал себе отчет, что на самом деле ничего не получится. И сколько бы он ни пытался - ничего у него не выйдет.

Конечно, Георгий Михайлович мучился от подобных инсинуаций с собственным сознанием.

Но еще более тягостней ему становилось от того, что он не мог изменить ситуацию. Как-то повлиять на окружающую действительность. И что-либо изменить.

Можно даже сказать, что чем больше он этого желал, тем все чаще ему приходилось убеждать себя, что на самом деле у него ничего не получится. Не выйдет. И вскоре даже все попытки чего-либо изменить казались Перечневу чем-то далеким. И совсем быть может даже нереальным. Тем, что никак не удастся осуществить. Даже если бы он действительно того очень захотел. Но... он не сдавался. Георгий Михайлович и на самом деле не сдавался. Не мог. Не был способен. Ведь в ином случае (случись у него даже зарождение подобной мысли), и он тотчас бы оказался отброшен на много столетий назад. В какую-нибудь доисторическую эпоху. Когда все казалось намного проще.

И самое главное,-- уже и действительно ничего невозможно было изменить. Хотя бы потому, что как минимум требовалось подстраиваться по существующие на тот момент обстоятельства.

Что было для Георгия Михайловича может даже и вовсе невозможно. Потому что совсем невозможно было идти на поводу у кого бы то ни было. Ибо стоило только раз "потерять лицо", и уже невозможно было (трудно, очень трудно, невероятно трудно) было бы выправить ситуацию. Которая представала теперь в своем другом, может даже истинном свете. И такая трактовка действительности было не нужна Перечневу. От нее становилось невыносимо больно. И он бы, наверное, готов был вернуть все куда-нибудь туда, где еще не было так больно. Мучительно больно. Но и ведь уже именно тогда зарождались задатки чего-то такого; странного и нелепого в своем роде. От чего уже и невозможно становилось избавиться. Но и ведь

все равно,-- присутствовала надежда, что что-либо удастся когда-нибудь исправить. Выправить ситуацию. Не дать развиваться ей в патологическое убожество собственных мыслей; попытаться как-то дистанцироваться от этого. Для того чтобы, разумеется, не допустить это впредь.

Перечнев верил, что как бы не было все мучительно, ситуация все равно находится под его контролем. Пусть это было и не так выражено. Как раз это Георгий Михайлович мог допустить. И даже согласен был пожертвовать чем-то малым, для получения большего. Притом что, стоило ему только представить это самое большее, и оно уже виделось ему в намного лучшем свете, чем, разумеется, было и в действительности.

Ну - и о том, какое оно было,-- Перечнев не задумывался. Ему просто не хотелось верить в то, что хоть что-нибудь может быть не так. Идти по какому-то другому плану. Складываться иным, нежели чем представлял он, образом.

И Перечнев твердо верил в то, что чем больше он будет думать о неудаче,-- тем вероятнее что она сможет произойти. И тогда уж точно ничего не получится. Ни того, что существует. Что есть на самом деле. И от чего еще, быть может, можно избавиться. Ибо... Ибо это все могло было действительно так. Наверное было.

.....

Поначалу Георгия Михайловича мучили загадочные фантазии. Например, он представлял себя в роли жеребца, который должен был в буквальном смысле осеменить нескольких кобылок.

Причем, число кобылок на самом деле было неизвестным и всегда значительным. И всякий раз, когда он заканчивал свою работу (в образе кобылок представляли женщины зрелого возраста, становившиеся в соответствующую позу, отчего и угадывалось сходство), на смену им являлись все новые и новые. А он ведь еще и знал, что от осеменения их прямой кишки (больше никуда у него входить не получалось) никаких детей на самом деле не будет. Но уже как-то и не мог отказаться от желания входить именно туда. Да и они словно бы нарочно подставляли именно это место. Видимо испытывая (каждая, в отдельности, и все - вместе) удовольствие от ощущения себя в роли жертв, которых использует "хозяин".

Действительно ли это было так - никто кроме них наверное и не знал. А Перечнев предпочитал об этом не думать.

Ну и конечно же, он верил, что в любой момент что-либо может измениться.

И ему удастся пожить в лучшей жизни. А пока он готов и потерпеть. Ведь не всегда же, по сути, ему придется мучиться. Да и если так уж разобраться - действительно ли он мучился? Ведь стоило ему уже только окончательно начать считать так, и словно появлялось что-то, что говорило о том, что все хорошо. Будет. А то и уже есть.

И как только понимал он это, то быть может и действительно что-то изменялось. Начинало изменяться. Готово было измениться. В любой момент готово.

Ну а пока он думал: так ли (или нет?) это было на самом деле - что-то действительно изменялось. Притом что в большинстве случаев он даже и не знал "что". Но ему действительно становилось лучше. А

значит, он мог надеяться на то, что подобные, как были, состояния - какое-то время не возвратятся.

Притом что они действительно не возвращались. И ему даже казалось, что победа (это манящее слово - "победа") случилась.

А справедливость - восторжествовала.

И так это, наверное, действительно было.

Пока что-либо вновь не менялось. И не приходилось в который уж раз подстраиваться к обстоятельствам, которые как вроде бы и должны быть на руку ему, "победителю". И он, случалось, так в это верил, что какое-то время совсем не существовало ничего, что говорило бы об обратном. Хотя... верил ли Георгий Михайлович в это на самом деле?

Быть может уже и нет. Тем более что так считал (и говорил ему об этом) Веригин. Который был близким товарищем Перечнева. И если давал ему какие-то советы, то они почти всегда оказывались весьма кстати. И действительно ему помогали.

Глава 3

Максим Леонидович Захаревич был видный мужчина, сорока трех лет, высокий (под два метра), худой, по образованию инженер-конструктор, и сейчас занимающий достаточно высокий пост в строительном тресте. Очень крупном строительном тресте. Что накладывало соответствующий отпечаток на манеру общения Максима Леонидовича с другими людьми. И наверное вообще - возникновение у него каких-то соответствующих мыслей. Которые в

последующем плавно перетекали в желание рождаемых вследствие этого поступков.

Захаревич был мужем Илоны. Вернее - вполне бы мог им стать. Но вот почему так не происходило - никто не знал. Хотя Илона и спала с ним достаточно регулярно (два раза в неделю); и примерно еще столько же - просто навещала его. И делая ему минет. Во время которого Максим Леонидович издавал какие-то хрюкающие звуки. Причем что касалось звуков, так Максим Леонидович издавал их не только во время занятий с кем-нибудь (с кем-нибудь, потому как помимо Илоны были еще две-три "любительницы" сделать Максиму Леонидовичу "приятное") любовью. Ну и как-то так. В свободное, так сказать, от работы время. Причем уже совсем неправильным было бы найти в этом что-то предосудительное. Да и зачем? Ведь это, надо заметить, делом было совсем свободным; можно даже сказать, безвредным. Хотя... Я вот хотел что-то еще сказать о "безвредности", да вот тут задумался. Ведь все время-то как раз выходило так, что соберись Максим Леонидович что-то такое издать, и получалось иной раз так и вовсе - черт знает что. Совсем непонятное что-то. Но наверняка очень даже приятное, интересное, да и вообще - можно даже сказать любопытное.

Но вот наверное и не стоило бы заострять на этом столько времени, если бы как-то не обратил внимания Максим Леонидович, что начинает он испытывать какие-то удивительные, можно сказать, ощущения между ног, если начинает издавать эти самые звуки. Причем звуки уже надо заметить любые. Поет, там. Или смеется.

Главное только чтобы получалось что-то нечленораздельное, непонятное, неперебиваемое.

И как только произносит Максим Леонидович что-то подобное, так почти сразу же на душе его становится легко и свободно. Хочется петь, смеяться, шутить и просто веселиться.

В общем, получалось, наверное, действительно черт знает что.

И Захаревич иной раз совсем терялся в том, как ему реагировать на ту или иную жизненную коллизию.

Но потом брал себя в руки. И даже начинал получать от этого настоящее внутреннее удовлетворение. А вот Илона...

А Илона все больше начинала относиться к нему как к какому-то придурку. И совсем быть может перестала бы с ним заниматься любовью. Если бы не трахалась помимо Максима Леонидовича еще с десятком мужчин. Находя в этом свое какое-то удовольствие. Причем могу признаться, что иной раз занимался с Илоной и я. Хотя и помимо меня находились любители подобного времяпровождения. Ну, скажем, тот же Веригин. Ну хотя бы и чем не мужчина. Высокий, стройный, удивительно импозантный. И даже какой-то манерный, что ли. Любит, при этом, надо заметить, разных там женщин. Причем в последнее время любовь к ним была у Захаревича без какой-то любви. То есть как будто сама любовь была. А вот самого факта интимных отношений при этом не было. И уже можно было бы подумать, что может и совсем ему этого было не нужно. Как только совсем это было неправда. Совсем неправда. Ибо Максим Леонидович, например, по-прежнему испытывал какую-то отчаянную любовь к Марине Геннадиевне. И стоило только Марине Геннадиевне пройти перед Захаровичем, как тотчас же забывал он про все на свете. И готов тотчас же раздеть ее. И раздвинув ее ноги, уткнуться между них.

Вылизывая все, что видел он там. И ведь, наверное, действительно он там видел многое. Потому что как будто совсем терял при этом Максим Леонидович счет времени. И лизал, лизал, лизал....

И ему уже как будто ничего больше не хотелось. И даже, быть может, вполне хватало звуков, издаваемых мечущейся и извивающейся Мариной Геннадиевной. Которая крепко сжимала его курчавые волосы. И еще больше прижимала голову Максима Леонидовича к своей rizde. А он словно бы с новой силой принимался на поиски чего там нового и неизведанного. И при этом очень даже может быть и замечательного.

И наверное хотел бы, чтобы это продолжалось очень и очень долго. А член самого Максима Леонидовича стоял как оловянный солдатик. И уже как будто и без какой-то надежды ждал, когда наконец, полные губы Марины Геннадиевны плотно обхватят его. И примутся высасывать все содержимое его. И выцеловывать его. Чтобы совсем - совсем не оставить там ни одного незнакомого места. Покрывая каждый миллиметр истомившейся плоти поцелуями. И уже от этих самых поцелуев будет оловянный солдатик стоять еще больше. Хотя быть может и совсем уже некуда больше. Если больше - то ведь и лопнуть он может. Взорваться миллиардами белесых осколков. Которые разлетятся в разные стороны. Поражая все на своем пути. И надо только успеть, чтобы как-нибудь малая часть из них залетела туда, куда хотела Марина Геннадиевна. Но это уже будет совсем безразлично Максиму Леонидовичу. Будет, например, это манда Марины Геннадиевны. Или, например, груди, полные и вообще большие и огромные груди ее. Ну или быть может даже,-- ее анус. Притом что Марина Геннадиевна только недавно открыла, что очень ей даже нравится, когда член Максима Леонидовича протискивается

между ее ягодич. Всовываясь все глубже и глубже. Так, что уже как будто и хочется кричать. Но кричать совсем и не нужно. А если и нужно, то быть может лишь только от удовольствия. Ибо удовольствие при этом очень - очень даже замечательное. От которого и стонут и плачут и смеются. Иной раз очень даже громко смеются. Совсем не считаясь с окружающими. Разврат, в общем, да и только.

Тем более что сам Захаревич во время оногo - зачастую производил впечатление уж полного (полнейшего!) ничтожества. Да и к тому же выходило так, что находил он, что ему пребывать в подобном состоянии даже нравится.

И даже как будто успокоение какое-то приходит.

И уже не решался он выйти из образа. Из маски этой, в которой находился на всем протяжении разыгрываемых порноспектаклей. Где основными действующими лицами были женщины. Которые у него сосали (минет это, скорее всего, некий бонус); а еще чаще - заставляли лизать себя. Причем (входя в раж) иной раз не замечали времени. И Захаревич засыпал, уткнувшись лицом в мокрые заросли той или иной pизды. И лишь только удар по макушке отрезвлял его. Заставляя продолжать начатое. Чтобы потом (видимо смилостившись над ним), сделать немного приятное и ему. Хотя и как раз закончится все могло сдрачиванием его члена. И уж когда и вовсе ничто не поддерживало его "стоячее желание" -- Захаревич казался и вовсе мерзостным. А чувствуя это - с ним вели себя соответствующим образом и женщины.

Но Максим Леонидович уже старался не замечать этого. Ибо и без того был унижен, растерзан и оскорблен. И выебан, зачастую, по полной программе.

Причем, даже когда он уже кончал - это ему не доставляло никакого удовольствия.

Ибо слишком долгое время ему не позволялось кончить. А когда уже вроде как и было можно - Захаревич не хотел. Еще справедливее сказать - не мог. Не был способен. Не оказывался готов к тому, что ему разрешено было излить семя и испытать оргазм. И поэтому сам оргазм у него проходил какой-то сглаженный. И должно быть совсем не такой, как он хотел того. Или как он считал - тот должен был быть.

.....

Была у Максима Леонидовича одна страсть, о которой он мало кому мог и рассказать.

Быть может потому, что и не считал это действительно чем-то преступным. А может наоборот, уж как-то неловко было ему, что ничего не мог с собой он поделаться в реализации своих подобных желаний. Тем более с возрастом ничего как вроде бы и не проходило; не изменялось. И только все больше и больше погружался Максим Захаревич в пучину разврата. И даже открыл для удовлетворения (беспрепятственного удовлетворения) собственное порно-агентство. Хотя и со временем взял еще двоих учредителей. Но это лишь с целью как-то разделить ответственность. И наверное не более.

.....

Заклучались его желания - в удовлетворении сексуальных пристрастий исключительно со зрелыми женщинами. Даже быть

может, более чем зрелыми. Ибо возраст его клиенток колебался в районе шестидесяти-шестидесятипяти лет. И если что-то еще могло измениться, то уж возрастной ценз оставался без изменений. Да ему и не нужно было здесь что-то менять. Потому что мог Захаревич трахаться с кем угодно. Бывали у него и молоденькие девушки, и девушки тридцати-сорока лет.

И только с 60-65 летними Захаревич знал, что кончит наверняка. Ибо как-то незаметно снимались у него при этом какие-то ни было комплексы. И уж если ебал он их, то ебал с искренней самоотдачей. А они стонали и извивались перед ним тоже, как казалось Захаровичу, достаточно искренне. И ни разу не слышал Максим Леонидович слова "нет". Ибо эти стареющие проститутки словно спешили насладиться последними в их жизни оргазмами. А многие из них говорили Максиму Леонидовичу, что только впервые почувствовали себя по настоящему раскрепощенными. Ибо раньше им тоже что-то мешало. Пусть и не всегда, но и действительно мешало. И этому вполне верил Максим Захаревич. Ибо когда ему было семнадцать - его первой женщине уже было сорок пять. И он тогда кончил девять раз подряд. А потом в течении последующих полутора часов - еще несколько.

После чего у него как-то не получалось переспать с женщинами с такой, как была раньше, разницей в возрасте. Все больше попадались неопытные сверстницы. Многих из которых еще приходилось уламывать взять в рот. А уж чтобы оттрахать их в зад - об этом иной раз даже не могло быть речи.

И Захаревич уже даже было смирился с этим. Лишь, быть может, продолжая ожидать, когда появится по настоящему раскрепощенная женщина.

И когда такая попалась, он на какое-то время забывал, что существует еще что-то, кроме ее ануса. Ибо желала она исключительно туда. И придумывала для этого немало ухищрений, чтобы сподвигнуть Максима Леонидовича предаться именно такой форме разврата. Причем, как понял Захаревич, просто ее организм был устроен таким образом, что могла кончить она только когда всунут член ей между ягодиц. И это потом уже узнал Максим Леонидович, что действительно бывают такие женщины. Так же как и те, кто способен кончить, только если сосет у вас. А иначе как вроде бы и не получается у них. Хотя Максим Леонидович и не думал, что все это уж настолько правда. И всегда экспериментировал, в разные щели накачивая всех этих многочисленных женщин, которые попадались у него на пути. Причем все складывалось таким образом, что они умудрялись как-то действительно попадаться чуть ли не исключительно в зоне внимания Максима Леонидовича. Словно бы безошибочно выделяя его из десятков других мужчин. Большинство из которых словно бы и не предусматривало наличие у своих партнерш подобной раскрепощенности. А вот Захаревич словно бы наоборот - не чувствовал никакой скованности и зажатости. И уж если испытывал оргазм, то кричал как кит. А если у него вздымался член и где-нибудь поблизости была женщина, готовая в его представлении "на все",-- то он начинал вытворять с ней все что угодно. Нисколько и не считаясь с наличием у ней какого-то желания. И словно бы действительно со временем (по прошествии совсем незначительного времени) настолько раздраковывал ее, что немного и опасался, что уже не возможно будет ее удержать. Ибо та или иная женщина теперь сама трахала его, да еще с такой ожесточенностью, что если бы

подключить ее пизду и его член к электрическим проводам,-- то в округе полопались бы все лампочки от перенапряжения.

И с каждым таким разом Захаревич только удовлетворительно отмечал про себя, что совсем может и не останавливаться. И готов заниматься сексом до полного безумия. Пока уже не сходил с ума вдвоем со своей партнершей. Ну, или, еще чуть-чуть - и они на самом деле могли бы сойти. С ума.

А некоторые наверно и сходили. И симптоматика их сексопсихопатологии порой украшала своими примерами учебники по патологии сексуальных безумств. Причем не то что Захаревич с той или иной очередной блядью черпали оттуда примеры, а скорее просто совпадало все чуть ли не с точностью до мельчайших подробностей. Хотя это можно было и считать каким-то исключением. Хотя и насколько это бы не способно было повториться в действительности? Да и почему бы и нет?

.....

Трудно было сказать: счастлив ли был Захаревич?

Скорее всего он просто не решался задать себе этот вопрос. Как-то сознательно уходил от него. Быть может даже и не считая, что такой вопрос вообще имеет право на существование. И даже скорее всего можно предположить, что Захаревич немного и боялся задумываться над такими глобальными вопросами. Словно бы представляя, что в ином случае все может обернуться против него. Да и вообще, на самом деле неизвестно, какие еще мысли могут появиться. Притом что, конечно же, могут и вообще - самые нежелательные. От

которых потом (вдруг так на самом деле произойдет?) совсем невозможно будет и избавиться.

И все как будто склонялось к тому, что так на самом деле и будет. Ну а как еще иначе? Бардак в мыслях мог родить только такой же "бардак" и в неких поведенческих мотивах его поступков. Ведь проекция этих самых поступков - есть ни что иное, как содержимое этих самых мыслей.

И получался некий замкнутый круг. А Захаревич понимал, что самое разумное было бы вообще ни о чем не думать. Но он так не мог. Не был способен. Хотя и, конечно же, способен Максим Леонидович был на многое.

Глава 4

Еще труднее было сказать, насколько Веригин мог помочь Захаровичу. Ведь выходило так, что у него были схожие с ним мысли. И в чем-то даже их внутренние проблемы были похожи. По крайней мере было уже точно то, что окончательно избавиться от тех - они не могли. Лишь, быть может, как-то заглушить их. Оставляя словно бы окончательное решение их на потом. И при этом подсознательно отодвигая это самое "потом" -- куда-то на самый дальний край своего сознания. Усыпляя видимость - убеждением в решении каких-то текущих вопросов. В то время как на самом деле ничего и не решалось. Да и, наверное, само решение было не нужно. По крайней мере Веригину уж точно. Ибо Марат Израилевич в еще большей даже степени чем Захаревич опасался, что его жизненный путь наберет совсем ненужные обороты. И потом совсем невозможно будет остановить поезд, несущийся в никуда. А останется, например, лишь

превратиться в безучастного пассажира; от которого совсем даже ничего и не будет зависеть. И который своими переживаниями будет неспособен изменить существующее положение вещей. Ключа для решения которых, быть может, совсем даже и не будет существовать. По крайней мере все остальное будет как будто бы и непредсказуемо для решения. И останется желать, чтобы как минимум все осталось по-прежнему. Потому как...

Да нет. Действительно ничего уже нельзя будет изменить. Тако-
то вот...

.....

Веригин начинал понимать, что, к сожалению, какая-то действительность начинает от него ускользать.

И в этой уходящей реальности замечал он исчезновение чего-то самого дорогого. Что потом, быть может, уже совсем никогда и не вернется.

Мелькали образы каких-то женщин, члены, которые видимо когда-то входили в этих женщин.

А женские половые органы быть может впервые представляли перед ним в таком разнообразии, что он поймал себя на мысли, что никогда раньше и не задумывался, что тех бывает столько.

А тех уже словно бы и действительно было превеликое количество. Причем и член самого Марата Израилевича впервые за последнее время стоял так, что и невозможно было предположить, что он сможет когда-нибудь опуститься. Притом это казалось

удивительно еще и потому, что Веригину совсем не хотелось кончать. А сама необходимость оргазма отодвигалась куда-то на потом.

И это тоже было для Веригина впервые. Ибо убедился он, что какое-то время можно было совсем и не разряжаться оргазмом.

И уже находил он в этом нечто новое и удивительное для себя. Что-то такое, в чем, быть может, таилось вообще самое замечательное, что вообще может быть.

И это было по настоящему замечательно.

И хотелось расцеловать весь мир.

А еще больше хотелось припасть губами ко всем этим половым губам.

И лизать, и целовать их. Всасывая в себя клитор, и в посасывании его еще больше наслаждаться жизнью. Ибо знал Веригин, что другой жизни у него больше и не будет. Ну а если так, то почему бы и не радоваться тому, что было. Наслаждаясь этим (уже, наверное, уходящим) мгновением. И желая, чтобы это все было именно так, а не иначе. И все потому, что иначе (как будет иначе?) он видимо и не представлял - "как"? Потому что ему и на самом деле было хорошо. Более чем хорошо.

Ну а хорошо сейчас,-- это совсем не значит, что так будет и дальше. Ибо "дальше" вообще может начаться черт знает что. Такие дела.

.....

Должно быть покажется удивительным, но Марат Израилевич совсем не таился своих гомосексуальных пристрастий. Однако и

выходило так, что ему все чаще нравилось "спать" с мужчинами и женщинами одновременно. Притом что его партнеры подбирались таким образом, что мальчики должны быть молодыми (18-20 лет); а женщины - зрелыми (40-45). Тогда, по его мнению, достигался наивысший консенсус. А испытываемый Веригиным оргазм - был наиболее полноценным. Притом что ему было почти абсолютно все равно, кто в него входил. Хотя и справедливости ради стоило заметить, что Марат Израилевич последовательно мог испытать несколько оргазмов (минимум два). И один уж точно был, когда кто-то из юношей трахал женщину. Видимо это рождало какие-то совсем уж извращенные фантазии у Веригина. И в таком случае Веригин совсем не считал нужным, что должен был как-то сдерживаться. Да и зачем? Он отдавал себе отчет в том, что жизнь дается раз. И удовольствия могут быть лишь на протяжении этой жизни. Поэтому, по его мнению, и отказываться от них было бы достаточно глупо.

--Девочки, начинаем приготовления к получению оргазмоистических припадков,-- распорядилась Марина Геннадиевна, секс-дива с удивительно развитыми формами и голосом примадонны. Ее эротические формы и голос были направлены на осуществление собственной трудовой деятельности. Была Марина Геннадиевна директором эротического театра. Причем даже больше, чем то иной раз было нужно - театр Марины Геннадиевны практиковал выезды на заказываемую клиентами территорию. Чтобы уже там - пускаться во все тяжкое. Причем Марина Геннадиевна сама подбирала девушек к себе в труппу. И должно быть секс-дивы были подобраны исключительно изобретательно. И их рост-весовые показатели оказывались также важны, как и образы, которые рождались в

результате сочетания произносимых этими девушками слов. А еще было некое особое излучение, исходившее от их внешности, и вместе с этим ощущение еще чего-то совсем необычного, проекция от которого подсознательно рождала возможность осуществления (доступность... самое важное - доступность) самых низменных желаний. Инстинкты скотских безумств от которых таятся в глубинах психики каждого человека. Но вот не каждый решается выпустить их наружу.

--Так, девочки, давайте, чтоб уже был порядок,-- распорядилась Марина Геннадиевна.

--Я первая сосу,-- воскликнула рыжеволосая Соня, и не успел Веригин опомниться, как его член уже оказался глубоко погруженным в рот этой рыжей девушки.

На вид Соне было не больше двадцати. Худенькая, стройненькая, с небольшими, торчащими в разные стороны грудками, Соня с таким энтузиазмом принялась за дело, что Марат Израилевич на миг подумал, что ему вполне может быть уже ничего в этой жизни и не нужно. Лишь лежать, распластавшись на большой четырехместной кровати, искоса поглядывая на то, с каким воодушевлением Соня сосет его член. Что он конечно же знал - только начало. Ибо совсем скоро место Сони займет крашенная блондинка Мира. Которая чуть раздвинув свои ягодицы - насадится своим тазом на вздымающийся детородный орган Марата Израилевича. Притом что в плоть между ног ее вопьется брюнетка Вера. Голова которой будет одновременно приподниматься с тазом Миры. И будет поддерживать ритм этого насоса. При этом сок Миры будет стекать на достаточно развитые груди Веры. А она будет еще успевать

подмахнуть тазом Захаревичу. Который с частотой отбойного молотка будет накачивать ее сзади. Искося поглядывая за Мариной Геннадиевной, которая усевшись в кресло и поставив свои ступни на подлокотники - будет с неистовой силой тереть свой клитор. Тоже наблюдая за происходящим. И рождая в своем подсознании, вступавшим в сесуально-порнографическую связь с сознанием - какие-то новые, и каждый раз неведомые иллюзии реальности. Реальности, которая большей частью всегда оказывается выдумываемой настолько, что совсем и невозможно уследить окончание ее. И это даже быть может и совсем невозможно. И что уж точно - совсем нежелательно в этом тандеме из четырех женщин и двух мужчин. Притом что обычно всегда две-три девушки занимаются (чуть вдалеке) лесбийской любовью. И изредка посматривая на них - все наши героини заводятся еще больше, набирая обороты, и являя пример сексуального безумства.

И лишь только потом, чуть ли не кончив, одновременно успокаиваются на какое-то время. Чтобы потом - начать все сначала.

Глава 5

Асмадей наверное и сам не знал,-- настоящее это было его имя, или скорее - вымысел. (Что-то навряд псевдонима).

Асмадей был южанин старшего возраста. Обращаться к нему вполне можно было по имени. Никто не знал его отчества. Так же, впрочем, как и фамилия.

Было Асмадею сорок лет. Хотя с таким же успехом можно было дать ему и тридцать пять и пятьдесят.

У этого человека, казалось, совсем не было каких-то пристрастий, кроме как засадить какой-нибудь бабенке в зад или в ее вагину. И несколько минут попеременно то накачивая то вынимая свой толстый короткий член - держать ее в сексуальном напряжении. Чтобы потом разрядиться в бурном оргазме. Во время которого Асмадей походил на какого-то дикого животного. Дикобраза, например. Если представить что этот самый грязный и вонючий (но необычайно добрый и даже доверчивый) дикобраз трахнет какую-нибудь змею. Ибо выходило так, что несмотря на небольшой рост и обвисший жиром живот - для сексуальных контактов попадались Асмадею исключительно длинноногие и худощавые создания женского пола. Да и почему-то, притом, достаточно молодого возраста.

.....

Я не представлял, что кто-нибудь может взять у Асмадея в рот. Но оказалось что здесь-то я как раз ошибался. Ибо сосали у него всегда с большой охотой. И видимо заводились эти бляди (как их еще назвать?) как раз уже оттого, что брали у этого чудища именно в рот. Притом что я мог быть уверен, что терли они при этом у себя между ног. Чтобы еще больше усилить возбуждение. И поскорее насадить свою pizdu на член Асмадея. Который, впрочем, только этого и ждал; ибо, как оказалось, не находил от минета такого удовольствия, как то бывало в стереотипном восприятии той или иной дамочки, манерно стирающей губную помаду прежде чем обхватить своими губами уже вздымающийся к тому времени орган любви Асмадея.

Я написал "любви", хотя я до сих пор не уверен, что Асмадей хоть кого-нибудь любил. Скорее всего, это если и можно оставить, то лишь только в связи с сексуальной тематикой происходящего действия. В то время как при иных условиях, ничем кроме трахания, то, чем занимался Асмадей - я бы и не назвал.

Да и вряд ли в его лексиконе были какие-то другие слова. Ибо был Асмадей грубым и невежественным представителем кавказских народностей. И, по сути, это было живое воплощение порока. Притом что глаза у него были поистине невинные. Настолько невинные, что вполне можно было предположить глядя на их обладателя, что ему готовы отдаться как минимум несколько десятков женщин - а ему самому только что ампутировали член. И пока пришьют новый - он вынужден будет смотреть на мир грустными глазами. Такими грустными, что у вас появится слеза. И будь вы женщиной,-- вам непременно захочется скрасить душевную боль этого человека. И что уж непременно - отдаться ему. Если вы только предположите, что именно это его и может спасти.

По сути, Асмадей был гадкий извращенец. И я бы вообще не стал о нем упоминать, если бы не узнал, что Илона тоже оказалась одной из его любовниц. И стоило мне только представить, что он с ней вытворял (а эта сучка готова была возбудиться от любого прикосновения к ее волосатой промежности любим эрегированным членом - на поникший член она не реагировала), у меня уже вставал. И приходилось в срочном порядке звонить какой-нибудь девице из тех, которые приедут лишь только для того, чтобы вы без всяких прелюдий смогли засадить им, после чего можете смело посылать их на хуй. И они уедут.

И я поначалу всегда одновременно и радовался (существованию их) и удивлялся (отчего так происходит), что все выходило именно так. Но потом как-то незаметно перестал обращать на это внимание. Даже быть может не смирившись, а просто привыкнув к этому. Тогда как Асмадей еще долго оставался в моей памяти какой-то загадкой. И мне отчего-то казалось, что если бы я не встретил Асмадея, то все равно мне должен был попасться похожий на него человек. Ибо подобный индивид мужеского пола все равно должен был мне встретиться. Чтобы хотя бы что-то понять из взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Между этими грязными ебливыми сучками и похотливыми мужиками, подчиняющими свою жизнь исключительно инстинктам. А все остальное отодвигающими как бы на второй план.

Глава 6

Мне, конечно, не очень-то хотелось вспоминать о тех, кто (как я считал) не оставит в моей памяти своего уверенного следа. Но верно и то, что если о них я вспомнил сейчас, - то наверняка они могли являть собой нечто большее, чем просто мои какие-то догадки о них. Ну или почти совсем беспочвенные наблюдения за проходящей жизнью.

Наверное так это на самом деле и было. И если бы о ком мне хотелось вспомнить сейчас, так это о одном великом (как мне казалось) чуде, по имени...

Надо же?.. Поймал себя на мысли, что я вдруг забыл его имя. Нет. Конечно же, я его помнил. Я просто не мог забыть это по сути

интеллектуальное ничтожество. У которого на уме был только секс. Притом что он-то о нем как раз и не думал. И в общении с женщинами у него все происходило как-то само собой. Он видел их. А они.. уже видели в нем один его член. Его огромный эрегированный член. Который наверняка уже мысленно всовывали себе в промежность. Или насаживали свой зад на него. Да и вообще - готовы были терпеть от него любые вседозволенности; суть которых была подчинена лишь только одной цели: как бы дать ему лучше их запердолить. Чтобы испытать (быть может самый крупный в их жизни - так им казалось; так казалось всем этим блядьми) оргазм. Притом что Влад (вот имя этого сексуального безумца) и действительно не так-то уж и помышлял об этом. И я могу еще раз повторить, что у него и действительно все выходило как бы само собой. Просто так случалось, что он все время находил как раз тех самых женщин, которые - при виде его - согласны были на все. На любые сексуальные упражнения. Упражнения, главный принцип которых заключался лишь только в одном - сексе, сексе, сексе... И ни им ни ему - больше ничего было и не нужно. Только лишь трахаться....

.....

Я пишу сейчас об этом, а в моей памяти всплывает один случай, когда этот "нечестивец" имел мою жену. На тот момент жену. Одну из моих многочисленных жен, которые были со мной на протяжении моей жизни. И, пожалуй, что было самое удивительное, я сам хотел, чтобы он ее трахал. И даже зная, что эта сучка сосет его член, дает ему разложить себя, задрать ноги, ввести свой огромный отросток во влагалище, повернуться задом, взять руками его

огнедышащий вулкан страсти и ввести его себе в зад (наверняка ведь он клал при этом свои огромные лапища ей на крестец, поддерживая ее тело),-- и вот представляя все это - я сам испытывал наверное не меньшее удовольствие, чем он. А наверняка даже и еще большее. Хотя бы потому, что мое воображение было развито гораздо лучше, чем у этого сексуального отморозка. И я просто представлял намного большее, чем его фантазия могла позволила ему с ней что-то сделать.

И уже замечал я, что представляя все это, мой член вздымается кверху, а рука неосознанно ложится на него, постепенно набирая обороты.

И вскоре я уже выстреливал семенной жидкостью в потолок. И еще какое-то время после этого лежал на постели с закрытыми глазами. Представляя что этот гад делает с моей супругой. Мысленно умоляя его... продолжать.

.....

Я даже могу предположить, что на самом деле ничего этого и не было. Но уже если мне это все по настоящему привиделось, то почему же тогда так все время хотелось повторения этого. Я даже, можно сказать, жаждал его. Желал вновь испытать эти незабываемые ощущения. И выходило - я (бессознательно) подталкивал его (и ее; разумеется, и ее) к совершению подобного прелюбодеяния. Чтобы быть может оставить для себя возможность когда-нибудь подсмотреть за ними. И уже драть по настоящему; наблюдая самое желанное в своей жизни действие. И лишь только умоляя (внутренне; неосознанно; бессознательно) их - продолжать.

Продолжать его - "любить" ее. Продолжать - ебать эту сучку.
Смотреть как льется по его телу ее сок. Наблюдать как эта блядь будет
беспеременно кончать; умоляя его - продолжать...

.....

Наверное я был извращенцем.

Так бы мог подумать любой, кто видел меня в такие минуты.
Но скажу уже я в свое оправдание, что все эти сеансы
экзгибиционизма нравились мне на самом деле не больше, чем кому-
нибудь другому, если бы только представить что он смог бы оказаться
на моем месте. Притом что я даже более чем был уверен в том, что
многие хотели бы действительно оказаться на моем месте. Но в том то
и дело, что это было, по сути, невозможно. Потому что это именно я -
"застолбил" себе эту "делянку". И предоставить кому-то наблюдать за
процессом траханья моей супруги просто не мог. Ведь это не кинозал.
Это, во-первых. И во вторых,-- ведь это моя собственная (на тот
момент жизненного периода) жена. И мой (если уж так разобраться)
друг. Хотя и Влад на самом деле никогда не был моим другом. Но мы,
наверное, с ним были товарищи. Хорошие, и судя по всему,
достаточно близкие товарищи. Товарищи, которые (какой-то период
времени) никогда друг с другом не расставались. И он даже жил одно
время в моей квартире. Но это было больше именно моим
"упущением". Ибо я настолько "разлеился", что хотел, чтобы они
занимались этим чуть ли не в моем присутствии. Когда я делал вид
что уходил на работу. А сам закрывался в шкафу. Наблюдая оттуда
как он имеет ее прямо в прихожей. И ебет ее, совсем как будто не
обращая внимания на то, что ее настоящий муж (я, черт возьми)

"скрывается" в шкафу. Наблюдая за всеми теми сексуальными экзекуциями, которыми он подвергает мою несравненную... Эту сучку. Эту блядь. Стоило мне только с ней познакомиться, и я уже знал - что она блядь. Знал, что будет она изменять мне при каждом удобном случае. И лишь только наверное не думал я, что сам буду предоставлять ей возможность этих случаев. Словно бы провоцируя ее на измену мне. Притом что я уже заметил, как мне это на самом деле нравилось. Нравилось наблюдать за всеми этими ее случками. Беспрепятственно драча. И испытывая (конечно же!) намного даже больший оргазм, чем мог бы, наверное, испытать на самом деле. При том что на самом деле я не так-то и любил все эти сексуальные игрища с моим участием. Давно поймав себя на мысли, что мне намного лучше наблюдать за всем происходящим (с участием - непременно с участием - моей супруги) со стороны. Вот так то вот...

Глава 7

Веригин уже даже и не надеялся, что сможет что-нибудь понять в этой жизни.

Получалось даже как-то наоборот. Эта самая жизнь все время ускользала от него, стоило ему только очень сильно пожелать что-нибудь понять в ней. Попытаться разобраться.

И он вполне отдавал себе отчет, что так будет и дальше. Так вообще будет все время продолжаться. Несмотря на его какие-то попытки избежать этого.

.....

Илона шла по набережной небольшого приморского городка.

На удивление, она сегодня совсем не думала о сексе. Несмотря на то, что шла сейчас как раз заниматься им. И не с кем-нибудь, а с известным продюсером. Который неожиданно предложил ей сняться в одной из главных ролей в его фильме. На съемки которого она собственно и приехала. Притом что Илона совсем даже не была уверена, что съемки с ее участием действительно состоятся. Да она, если честно, и не так то чтобы очень хотелось сниматься. По крайней мере ей уже и раньше поступали похожие предложения. Ведь гражданский муж ее был как-никак сценарист. И по сценариям его действительно было снято немало фильмов. Чуть ли не в доброй половине из которых ей находилась та или иная роль. Но все время словно бы что-то говорило ей, что пока этого делать не стоило. Так почему же она сейчас согласилась?

Илона этого не знала. Она словно бы попала под воздействие какой-то магии, когда повстречала Бориса. Да и сам Борис Львович, казалось, не предпринимал никаких действий, чтобы уложить эту девушку в постель. Ему и так (и уже давно; последние лет десять точно) нужно было брать "отпуск" от всех его сексуальных забав с актрисами, которые, казалось, как только видели его - решали тотчас же отдаться. В тайне надеясь, что в качестве вознаграждения им будет предложена та или иная роль. И в большинстве случаев Борис Львович Вечеркин девушек не обманывал. Тем более что в каждом его фильме всегда было место для той или иной актрисы. Ведь продюсировал он фильмы большей частью эротического (даже быть может порнографического) характера. И совсем был не против, если находилась какая-то девица, которая хотела взять мужской член в рот перед камерой. Совсем даже нет. Если у нее было такое желание, то,

как говорится, почему бы и нет. Соси на здоровье. Тем более что Вечеркин был большим любителем понаблюдать за подобным "процессом". Возбуждаясь от этого удивительным образом отъявленного извращенца. Так же как и многие из тех, кто находился на тот момент на съемочной площадке. Снимал, наблюдал, гримировал... А потом (когда все заканчивалось) предавался самому откровенному разврату. Не успевая иной раз выключить камеры. И просматривая потом что получилось...

Илона действительно не знала, почему она согласилась. Но как только представляла она перед собой член Бориса Львовича, ее воображение вполне разыгрывалось и дальше. И она уже знала, что будет сосать его так долго, насколько мужчина позволит ей это. И будет совсем не против сделать для него все, что он попросит. Ну, или, что она подумает - желает - он.

И она даже была уверена, что если у него появятся самые гнусные фантазии - она будет готова удовлетворить их.

Так же как не будет существовать для нее каких-то табу. Их и раньше для нее никогда не существовало. Когда она, например, только познакомилась со своим мужем, Веригиным, и прямо в кафе, почувствовав желание мужчины, после того как ее нога гладила его промежность, наклонилась вниз, под столик, словно поправляя колготки, а сама умелым движением высвободила готовый вот-вот эякулировать член того, и приняла все содержимое его "желания" себе в рот. Потом, приподнявшись, и словно ничего между ними и не было - запила все что она только что "получила" шампанским.

Так же она готова будет и на этот раз. Если только, разумеется, почувствует, что этот продюсер - этого - захочет.

Да она и просто готова будет у него сосать. Пусть он даже и не кончит в нее. Ведь для Илоны уже давно важен был сам процесс. А оргазм?.. Так она и так слишком часто испытывала оргазм, чтобы относиться к этому как к какой-то загадочной составляющей процесса любви. Это было слишком естественным для нее. Так что в иных случаях вполне можно было обойтись и без этого...

.....

Борис Львович был несколько иного мнения обо всем, что должно было вскоре произойти.

Если честно, он совсем даже и не хотел эту женщину. И дело было даже не в том, что он не хотел именно ее. Так уж вышло, что в последнее время он открыл для себя, что ему все больше нравятся мужчины. Этакие большие, мужественные люди, с таким же большим как и их лицо -- членом. Которым они разрывали плоть Бориса Львовича. Возбуждая его уже самим наличием в них чего-то такого, что есть и в нем. Но по особенному приятно ему было оттого, что этим самым членом они будут входить в его изласканный анус. И тогда член уже Бориса Львовича разом примет ту желанную форму, которой уже вроде как иным путем ему и не удастся достичь. (По степени выраженности эрекции, разумеется).

Борис Львович любил мужчин. Любил ощущать на своем лице их яйца. Любил ласкать своим языком такой же как и у него орган любви. Любил заглатывать в себя их семя. Чтобы потом с наслаждением, подержав какое-то время во рту, проглотить его,

ощущая как жидкость проходит по пищеводу, и далее - в желудок. Рассасываясь там. И словно бы целебным бальзамом обволакивая внутренние органы.

Борис Львович Вечеркин был гей. И практически не скрывал этого.

А еще он был пидарасом. Так его обозвала Илона. Когда через время осознала, что старания ее губ и языка почти ни к чему не привели. Только еще больше распалили ее желание. А этот - разложившийся на диване - мерин,-- совсем не собирается ее ебать. А даже наоборот, предлагает, чтобы она взяла фаллоимитатор - и оттрахала как следует его сама. Ну не ублюдок? Она ему так и сказала. А он только улыбнулся в ответ. Но когда она уже хотела психануть (или и на самом деле психанула), и принялась натягивать на себя трусики, лифчик, юбочку... он тогда по настоящему озверел. И повалив ее на кровать - буквально ворвался в нее сзади. Принявшись с такой силой всаживать свой член ей в зад, что в любом другом случае она бы могла и возмутиться. А теперь только обрадовалась. И принялась подмахивать ему. Мысленно умоляя продолжать и не останавливаться.

А он ебал ее. И представлял на ее месте - себя. Вспоминая как совсем недавно почти точно также его трахал один знакомый звукорежиссер. Который быть может совсем даже и не был геем. Вернее, Вечеркин как-то не думал раньше, что тот мог им быть. Но ощущая в себе вдавливание его хуя уже подумал, что думать что-либо иное как вроде бы и не требовалось. Ибо этот самый звукорежиссер сейчас ебал его. И видимо испытывал от этого настоящее удовлетворение. Вот-вот даже собирался кончить. Правда когда он

кончил (Вечеркин ощутил в своем анусе его жидкость), звукорежиссер, видимо по ошибке, назвал его каким-то женским именем. А быть может ему и на самом деле показалось, что перед ним сейчас женщина. Ибо чтобы тот согласился, Борису Львовиче пришлось его напоить. И даже очень сильно напоить. Причем у него даже появились опасения, что он перестарался. И если бы не взял у него в рот (желая достичь этой самой чертовой эрекции, нужной для проникновения в него), то быть может у звукорежиссера и вообще бы не встал. Пьян он был капитально. Но ощутив свой член, погруженным в тепло (да еще с подраживающим языком Бориса Львовича), член звукорежиссера тотчас же принял нужные объемы. И Вечеркину оставалось только вставить этот самый агрегат себе с зад. Чтобы уже через время кончить самому. Ибо он всегда кончал, когда его трахали сзади. Так же, наверное, как и Илона. Которая уже не только металась и стонала, беспрерывно кончая под Борисом Львовичем, но и как-то по особенному взметнулась ввысь, когда он принялся заполнять ее каким-то на этот раз по особенному сильным семяизвержением.

И крик кончающего Бориса Львовича каким-то естественным образом слился с криком бьющейся в экстазе Илоны. И она поймала себя на мысли, что это ей как-то по-особенному понравилось. И уже убеждала она Бориса Львовича, что им просто непременно необходимо попробовать еще. Причем она совсем была не против (а зная ее - могу сказать, что и более чем "за"), чтобы к ним присоединились еще несколько человек. Почти совсем независимо какого пола. Но желательно, чтобы среди них была бы хоть одна женщина. Потому что Илона не только любила сама направлять

мужской член в ту или иную раскрывшуюся от желания щель женщины, но и вылизывать ее, когда саму Илону накачивали сзади.

Илона была блядь. Настоящая блядь. И я не раз говорило ей об этом. А она, как только слышала подобное слово, то тотчас же приходила в какое-то неестественное возбуждение. И ее pizda сразу становилась мокрой. И срочно требовалось хоть что-нибудь впихнуть в нее. Хоть ваш член. Хоть несколько пальцев. Обычно я впихивал в нее все пальцы своей правой руки. И тогда начиналась настоящая работа. Ибо я тер ей промежность, отмечая про себя как наливались подступающим оргазмом ее глаза. И вскоре она и действительно разряжалась бурными "аплодисментами". И я уже впихивал в ее рот свой penis. Чтобы хоть как-то заглушить крики, исходившие от нее.

И в какой-то мере мне это удавалось. Хотя и обычно лишь на какое-то время. Потому что эта сучка как-то очень быстро все соображала. И уже принималась сосать мой хуй. Да еще так, что я вскоре и сам не выдерживал. И обхватив ее за уши - впихивал в нее все, что у меня за долгие годы моей жизни выросло между ног. Стараясь запихнуть в ее открытую пасть еще и свои яйца. Которые уже почти и действительно помещались в нее. Уж очень каких-то неестественных размеров был ее рот. Настоящий минетный рот настоящей бляди. Высококласной бляди. Женщины, быть может, рожденной только для того, чтобы ее ебали. У которой были такие губы, о которых, стоило вам только взглянуть на них, вы уже думали, что они рождены только лишь, чтобы сосать чей-нибудь член. Ну и еще, быть может, говорить. В перерывах...

Глава 8

Захар Андреевич Куваев, личностью был, пожалуй, очень даже занимательной. Ну, если говорить, что он не терпел какого-то самоуправства - то это означало, что и почти ничего и не сказать. В Захаре Андреевиче одно только предположение допущения какого-нибудь самоуправства - непременно вызывало каскад достаточно противоречивых чувств. Большинство из которых были, конечно же, исключительно патологичны. Но на это, к удивлению, сам Куваев обычно не обращал никакого внимания. И должно быть необходимо было случиться совсем уж чему-то неординарному, чтобы этот человек начинал испытывать состояние, свойственное состоянию настоящей внутренней тревоги. Тревожности. Беспокойства. А то и просто (в иных случаях) патологической беспечности. Отчего Куваев совсем как-то неожиданно замыкался в себе. И какое-то время совсем невозможно было его вывести из этого состояния. Разве что если перед Куваевым вдруг начинала маячить перспектива "вдуть" кому-нибудь (по самые, так сказать, помидоры). Тогда он уже как-то разом и неожиданно преображался. И словно бы уже и не было его предыдущего; а перед вами предстал совсем, казалось, другой человек. Человек без ложных иллюзий в претворении (открывающейся перед ним) действительности; и в этом, наверное, и был весь Захар Андреевич. Странная, по сути, личность. Но необычайно занимательная, и я бы даже сказал -- нужная в нашем повествовании. Ибо представлял он собой индивида, который словно намеренно всегда делал все против того, что бы в этом случае делали остальные. И даже не только против, но и совсем даже не так. По другому. И уже именно в подобном противоречии находил он некое удивительное самовыражение; в том, что больше ему на самом деле и не нужно было. А лишь только, чтобы восхвалялись им. Уважали его

за это. Хотя, если честно, в том, что в этом может быть хоть какое-то уважение,-- никто наверное и не рассчитывал. Просто все как-то происходило само собой. Куваев словно бы бессознательно обращал внимание на какие-то реакции окружающих. И пусть его поведенческие мотивы несколько не зависели от мнения их, этих самых окружающих, тем не менее Куваев каким-то образом совсем не мог избавиться от того, чтобы совсем уж игнорировать их. И даже может наоборот, в иных случаях он старался построить собственную жизнь в соответствии подобия того, что ему казалось было бы приемлемо во взгляде на него со стороны.

Нет, конечно, Захар Андреевич мог казаться удивительной личностью; если бы только он сам хоть что-то захотел сделать для этого.

Но в том-то и дело, что основное, что особенно явно проявлялось в нем - это его безразличие. Безразличие относительно всего, что хоть как-то касалось проекции к нему со стороны окружающих. И уже должно быть оттого, Куваев был, по сути, очень даже ничемным человеком. Например, он никак не мог устроиться на работу. И даже не по специальности. Специальность-то у него как раз была библиотекарь. Но так выходило, что его не брали ни в одну библиотеку. Потому что стоило только заикнуться Захару Андреевичу о своем желании поработать, как тотчас же возникало в отделе кадров той или иной библиотеки какое-то неясное предположение о том, что стоявшего перед ними человека как раз на работу брать и не следовало. А как только они вводили его фамилию в компьютер, так тот и во всем выдавал нечто такое, от чего все старались побыстрее избавиться от Захара Андреевича. В душе быть может и сожалел, что

обстояло все именно так. Но и с собой они не могли ничего поделаться. Потому что из четырех библиотек, где Куваев умудрился поработать, - две он сжег. А еще две - обворовал. Ну или кражи случились как раз во время дежурств Куваева. И пусть до конца следствие его вину доказать не сумело, -- у администрации хватило ума ввести фамилию Куваева в какую-то особую базу данных. И теперь если у Захара Андреевича возникало желание приложения своих профессиональных знаний, -- ему попросту отказывали. Без объяснения причин подобного отказа. И он должно быть еще долго бы находился в полном неведении относительно того почему так все происходит, - если бы как-то одна из работниц отдела кадров не смилостивилась над ним. И выдала, наконец, причину отказа ему.

На удивление Куваев не расстроился. Он просто умудрился получить еще одну специальность. Закончив институт культуры по специальности массовик-затейник. И перебравшись в курортные городки юга страны - Захар Андреевич теперь участвовал в конкурсах самодеятельности. Организовывая их. Да и вообще делал все, чтобы люди (отдыхающие) не скучали.

И вот тут-то я бы мог сказать, что ему действительно это удавалось. Как и удавалось каким-то неожиданным образом влюблять в себя некоторых женщин. Которые сосали ему член, и вылизывали анус. И в щели которых он вполне беспрепятственно кончал. Совсем даже не спрашивая какого-то разрешения. Ибо знал, что ему было дозволено многое. А с некоторыми - и почти все. И уже здесь в свои пятьдесят четыре года Захар Андреевич быть может впервые начал испытывать настоящее удовольствие. Ибо наслаждение это совсем невозможно было ни с чем больше сравнивать. Это было, как

говорится, его. То, к чему он всегда тайно стремился. То, без чего он как-то быстро понял, что уже и не может. Не способен. Не хочет, не желает, чтобы было это как-то иначе. Происходило бы по другому. И в этом - была вся его развратная сущность. Сущность человека, которые только во второй половине жизни открыл собственную патологическую зависимость от женской вагины. Которую он теперь просто обожал как-то по особенному вылизывать. При этом, разумеется, и оказывался совсем не против - когда сосали член ему. Притом что и член его - теперь путешествовал по различным женским впадинам. И в большинстве случаев ему там было действительно хорошо. Даже быть может великолепно. И по крайней мере уж было точно, что раньше как-то не доводилось ему испытывать чего-то похожего. И даже совсем он быть может и не рассчитывал, что это ему когда-нибудь удастся. И я наверное могу сказать даже нечто большее: Куваев неожиданно осознал, что все, что было у него в жизни раньше - было, по сути, неверно и неправильно. А по настоящему он начал жить вообще только сейчас.

И так уж выходило, что чем больше он думал об этом, тем еще больше вынужден был согласиться со всем этим. И уже это было как-то по особенному приятно ему. И он уже должен был признать, что прошлое в его жизни было большей частью просто ошибочно. И то будущее, которое открывалось теперь - было самым, что ни на есть, занимательным и увлекательным; таило еще множество не открывшихся (и нереализованных) возможностей. И должно быть по истине было необходимо ему. Насколько он сам конечно это мог решить. Но он думал, что не ошибается. Вот так вот...

Глава 9

Илона иногда ловила себя на мысли, что ей, быть может, вовсе и не нужно заниматься сексом.

По крайней мере выходило так, что иногда она не находила в этом никакого сексуального удовлетворения. И если и сосала член, то он казался ей уж каким-то очень... прогоркшим, что ли. И при этом она вполне могла лечь на спину, раздвинуть ноги, и просто позволить мужчине ебать ее. Совсем не желая хоть как-то помочь ему разрядиться в нее. И словно бы надеясь, что у него все получится и так.

И должно быть у него действительно получалось. Ну уже хотя бы потому, что все мужчины Илоны Дапкунайте (жены Веригина, между прочим) были представители творческих профессий. И зачастую домысливали ситуацию. Нисколько и не переживая, что в чем-то им что-либо не додали; а то и наоборот - уже даже радуясь подобной ситуации. И про себя надеясь, что уж в другой раз все наверняка будет по иному. И если эта (роскошная, в общем-то) женщина согласится вступить с ними в орально-генитально-оральный контакт, то она уже и действительно согласится. И не будет лежать как бревно. А если и не "подмахивать" (хотя, почему бы и нет?), то хотя бы постанывать. Хотя бы изредка. Ведь, в конце концов, рассуждали эти несчастные, она тоже заинтересована в получении оргазма. А раз так, то почему бы собственно, и не помочь. Хотя?..

Никто из них не знал - удастся ли ему в следующий раз перепахнуться с Илоной. Ведь это была очень даже противоречивая девушка. И если в иных случаях она просто напоминала окончательную блядь, то иногда случалось что ее более чем строгий вид заранее отпугивал потенциальных женихов; ну или тех, кто в

принципе, был готов всадить в нее свой набухший penis. Насадить Илону на него. Войти в ее бутон страсти. И уже там - проделывать те многочисленные фокусы, от которых мало устоит какая женщина. Ибо женщина на самом деле может как угодно вести себя. Но стоило ей лишь на миг поддаться желанию, исходившей из ее щели (уже, надо заметить, мокрой от этого самого желания), и уже совсем ничем будет невозможно ее остановить. И действительно останется только трахать, трахать и трахать. И если только предположить, что нашлись бы те, кто не способен на это, - то они вполне могли бы хотя бы доставить этой сучке удовольствие языком. Ибо для нее, как я уже заметил, были приемлемы все варианты секса. Любые.

.....

Но, конечно же, совсем было нельзя говорить, что Илона была так-то уж равнодушна к сексу. Быт может совсем даже нет. А то и наоборот. Это была достаточно раскрепощенная девушка. Которая вполне любила мужчин. А иногда - и очень даже любила. Просто выходило так, что иногда на нее находило что-то уж не очень хорошее. И тогда она как-то неожиданно (неожиданно в том числе и для себя) погружалась вглубь себя. Совсем никого даже и не замечая.

И хотелось ей в такие минуты только одного: чтобы ее оставили одну. Не трогали. И она знала, что лучший выход из подобных ситуаций - занятие ей онанизмом. И как только ей удавалось кончить - как-то разом проходили все эти тревожности и беспокойства. И девушка вновь способна была зажить полноценной жизнью. Совсем даже и не рассчитывая, что в скором времени все повторится вновь. И она снова впадет в эти жуткие депрессивные

состояния. Выхода из которых быть может даже и не наблюдалось. Ну или если точнее - освободиться из них было не так-то уж легко. А требовалось хоть какое-то усилие с ее стороны. Хотя бы необходимо было всунуть хоть что-нибудь себе вместо ног. Свечку, например. Или огурец. Ну или банан. По форме как раз и напоминающий мужской орган любви. Притом что иногда очень хотелось именно мужского члена. И в таких случаях Илона совсем не могла ничего с собой поделаться. И в спешно порядке тогда она вызванивала знакомым мужчинам. Которые должны были просто приехать - и изнасиловать ее. А потом удалиться. Да они уже и привыкли к этому. И им самим, быть может, в те минуты не хотелось каких-то разговоров. А необходимо было просто всунуть куда-то свой penis. Чтобы после совсем непродолжительных фрикций - разрядиться в женскую плоть. И действительно поскорее убраться восвояси. Вот так-то вот...

Иногда Илоне казалось, что мужчины совсем даже ее не любят.

И тогда она предпринимала по истине удивительные попытки, чтобы заслужить" любовь их. При этом совсем не отдавая себе отчет, что это все было, быть может, даже и не нужно. Не совсем нужно ей. Потому что она и не находила уже в этом какого-то поистине удовлетворения. А выполнение подобных действий скорее походило на некую ритуальную составляющую; которая совсем и не могла бы, пожалуй, закончиться каким-то успехом. Хотя бы потому, наверное, что была и вовсе не нужна ей эта самая любовь. А просто получалось, что что-то (как ей казалось) выпадало из общего графика составляющей счастья. И если уж это было действительно так, то она и предполагала, что действительно было.

Однако если допустить на самом деле что ничего подобного никогда не было, то к чему же были тогда все ее (ненужные, уже получается) предположения. Предположения, не несущие в себе никакой позитивной нагрузки. И лишь только вызывающие еще большую боль, а то и недовольство. Некое недовольство, от которого совсем и невозможно было так-то уж просто избавиться. И лишь только хотелось чтобы чего-то такого на самом деле больше никогда не происходило. Но вот что это было?.. Илона, должно быть, и не знала.

.....

Веригин любил Илону.

В иных случаях он ее совсем даже ненавидел. Но все же видимо чувство любви пересиливало; и тогда он становился способен на какие-нибудь чудачества. Которые скорей всего сама Илона расценивало как нечто, напоминающее ей о том, что у ее гражданского мужа была психопатии. Одна из форм психопатий. Которую она быть может совсем не разглядела в свое время. И теперь ей приходилось с этим страдать. Нести на себе тяжелую, очень даже тяжелую, ношу. От которой она была невозможна избавиться. А быть может и на самом деле считала, что все должно так и оставаться. Ведь, по крайней мере, не могла она ничего изменить. А раз так, то уже как вроде бы и ничего не просила Илона взамен. Лишь быть может, чтобы хоть иногда ее оставляли в покое. И все. Ничего больше ей было и не нужно. Хотя...

Илона как-то поймала себя на мысли, что она совсем и не хочет, чтобы у Веригина так-то уж все проходило. И уже потому, она искусственно оттягивала окончательный момент его выздоровления.

И пусть она даже и не была уверена, что это выздоровление должно было наступить. Но все в ней словно бы протестовало против этого. Быть может она не могла смириться с тем, что Веригин выздоровеет, а она останется такой же идиоткой как есть. Идиоткой... Психопатичкой... Сексуальной блядью... И пусть не всегда она считала себя такой. Пусть в иные моменты она даже верила что очень прекрасна. Красива. Представляет собой некое совершенство. К которому должны стремиться другие... Такие минуты были совсем даже не долговечны. И по сути Илона очень даже страдала. Страдала (иной раз) от собственной неизлечимости. От того, что у нее быть может и некогда не исчезнет это странное желание - постоянно ощущать у себя между ног - мужской член. Который она хотела сдавливать своими бедрами. Периодически перемещаясь вокруг мужчины, то брать его орган в свой рот, то вставлять его себе в анус. А то и просто - дать ему лизать себя. Безмятежно устроившись рядом с ним. И тогда ей и действительно уже как вроде бы ничего и не хотелось. Лишь только как можно шире раздвинуть свои ноги. И лишь быть может искоса поглядывать за мужчиной, который с тщательностью самого отчаянного работника - занимался своим делом. Не отвлекаясь на что-то, что по его мнению его даже и не касалось. Ну а если даже и касалось, то лишь только каким-то (совсем не обращенным к нему) боком. Чтобы потом быть может развернут уже самого Веригина. И войти к нему. Раздолбать своим членом его анус. Притом что можно быть почти уверенным в том, что сам Веригин этого даже и не почувствует. Потому что его лицо уже будет

заливать сок, изливающийся из Илоны. Из ее размякшей пизды. Которую как раз и будет лизать Веригин; в то время как его самого будут накачивать сзади. И уже это (мы можем предположить) будет для него самое счастливое время. Пусть и недолговечное. Пусть и через время уже станет сотрясаться в экстазе Илона. А Веригин на время прервется, заметив что он уж слишком увлекся, и кто-то ему самому зашел сзади. Но уже быть может он постарается как бы и не обратить на это внимания. И лишь только еще крепче ухватиться за бедра извивающейся женщины. Сам при этом постаравшись максимально расслабить свой анус. Ведь ему вполне может и нравилось что с ним вытворяли. Нравился весь этот разврат. Это оргии подобное действие. От которого (можем мы предположить дальше) испытывал он самое что ни на есть удовольствие. Да и вообще - удовлетворение, что все происходит как раз именно так. Именно так, а не иначе. Потому что если только бы допустить, что что-то могло происходить иначе. Если бы... Много уже прошло времени с того момента, когда Веригин, будучи мальчишкой и наблюдая за трахающимися соседями (он жил в коммунальной квартире), мечтал о каком-то своем светлом будущем. Мечтал о том, что в его жизни все будет как-то иначе. Как? Он не знал. Ему тогда не хватало воображения понять, как это все будет происходить в действительности. Он только понимал, что если это действительно будет - то будет оно совсем не так, как у других. И уж он наверняка сможет внести в свою жизнь какое-то - по истине удивительное - разнообразие. Отчего сама жизнь (его жизнь) наверняка уже не покажется ему серой, ненужной; а выражение лица его - не будет таким растерянным. Какое оно иногда еще бывало в том возрасте, о котором он совсем даже и не любил вспоминать. И которое, считал он,

беспрепятственно ушло из его жизни. Ну хотя бы потому, что к нему - он совсем и не хотел возвращаться. Он просто не смог бы себе позволить вернуться туда. Вернуться назад. Он совсем не хотел возвращаться. Назад. И уже потому, двигался сейчас лишь только вперед. Навстречу своему оргазму. Который уже (если честно) вроде как и давно должен был состояться. Ведь Веригин совсем и не заметил, как его член оказался погруженным в рот Илоны. Которая с таким воодушевлением его сосала, что от этого способен бы кончить кто угодно. А почему бы этим "кем-то" не мог быть и он. Очень даже мог. Им быть. Тем более, что теперь он совсем и запутался: кто же на самом деле сосал его член. Потому что всего секундой ранее это была Илона. А теперь на месте ее губ - был какой-то мужской рот. А Илона слегка поменяла диспозицию, и все еще продолжала сосать. Но только теперь член этого самого незнакомого мужчины. Который в свою очередь сосал у него. И наблюдая за всем этим - Веригин уже с большим трудом сдерживался, чтобы просто не кончить. Чтобы не излить содержимое своих яиц - в эти лица, которые с высунутыми языками расположить между его ног. И словно собаки куска мяса - ждали своего часа. Чтобы обхватить своими губами то, что видели они. И уже быть может и невозможно было сказать, кто же на самом деле этого больше желал: сам Веригин, или они - хотели взять в рот - у Веригина. И наверняка это было какое-то удивительное братство. Когда все трахались друг с другом; и совсем не обращали внимания на то --- кто на самом деле ебал кого. Между ними была самая удивительная дружба. Самая желанная дружба. И от них от всех расстилалось самое удивительное счастье. Когда вы разом (и внезапно) как-то чувствуете родство других людей. И ощущаете даже в себе какую-то необычайность близость к ним. Понимая, быть может,

что это самый желанный миг, который только может быть. И (бессознательно) стараетесь удержать его. Удержаться в нем. Продлить его. Желая, чтобы это продолжалось вечно. И если даже не так это могло быть и вечно (что в наше время может быть вечно?), то хотя бы продержалось - как можно дольше. И уже это, быть может, и действительно самое желанное из того, что вообще может быть. Вот так-то вот. А Илона...

А Илоне это все очень и очень нравилось. Ведь сейчас она как никогда ощущала свою принадлежность к какой-то великой (и исключительной) касте. Касте людей, которым самой природой дано несколько большее, чем другим. И это ей не просто нравилось. От этого внутри нее разливалось безмерное счастье. И она радовалась этому мгновению. Стремилась удержать, продлить его. И несколько не могла бы и подумать, что то может когда-нибудь закончиться.

И уже потому, когда все участники сексуальных оргий кончали - они расходились как можно медленнее. Словно бы надеясь, что в ком-нибудь из них вновь вспыхнет сексуальное желание. И все быть может удастся повторить. Ведь все это вполне может тогда начнется заново. И в случае этого - хотя бы на время удастся избавиться от внутренних тревог, страхов, каких-то еще (совсем нежелательных) зависимостей. И если так сможет продолжаться хоть какое-то время - то почему бы ему тогда не продолжаться и дальше. Дальше... Что будет дальше? Сможет ли хоть кто-нибудь из них предположить, что же будет дальше? Будет ли их жизнь так же абсолютна безоблачна. А если и появятся на небосклоне какие-то тучки. То быть может их удастся обратить во благо. Чтобы уже как будто бы ничего им и не мешало. А только радовало их. Приносило

настоящее удовлетворение. Не мешало по крайней мере. Ведь если бы это только было так. Если бы...

.....

--Ты в это не веришь?--спросил Веригин, обращаясь вероятно к Соне, своей недавней знакомой, с которой он только что занимался любовью. В извращенной форме, между прочим.

--Не верю?--несколько изумилась Соня. Девушке было двадцать два года. И она смотрела на лежащего рядом с ней мужчину широко раскрытыми глазами. В которых в первую очередь читались восторг (оттого что он был рядом) и уважение. И поэтому какие-то возникающие у него сомнения (хотя она даже нисколько и не распознавала, что это были именно сомнения) Соня трактовала исключительно в пользу того, что ей пока (в силу возраста) просто не удалось понять. И что непременно во всем она сможет разобраться. Но потом. Позже. Быть может, когда станет постарше. Ведь для нее сейчас намного важнее было удержать подле себя этого мужчину. Это намного, намного сейчас было важнее для нее. Хотя бы потому, что второго подобного шанса у нее может и не быть. А ей очень нужен был такой мужчина. Она почувствовала, что влюбилась в него. Влюбилась настолько, что готова была выполнить любую "просьбу" его. И пусть девушка старалась не замечать, что сейчас эти просьбы сводились пока только исключительно к сексуальному характеру. Ну и что? Да и почему бы, собственно, и нет. Если ее тело нравится ему - то она готова отдаваться ему настолько часто, насколько он этого захочет. Притом что и вообще ей не мешало бы большему научиться у

него. Ведь за прожитые им годы наверняка немало женщин прошло через него. Так почему бы ей, как говорится, не воспользоваться сейчас моментом. И не попытаться разом пройти ту школу, на прохождение которой кому-то требовались годы. Она ведь всегда была прилежной ученицей. И вполне была согласна как бы авансом получит все, что, быть может, ей только предстояло пройти. И пусть если он хочет - трахает ее по десять раз за день. Ничего. Ей ведь это даже немножко и нравится. По-крайней мере замечает она, что только таким образом она сможет развить в себе сексуальность. Ту самую сексуальность, которой ей быть может всегда раньше не доставало. А теперь она просто желает этого. И Соня сама, не дожидаясь просьбы мужчины, набрасывалась на его член. То обхватывая его своими губами, то заключая тот в те же самые губы; половые губы. И лепесток, ее чашечка любви распахивалась, чтобы объять собой этот огнедышащий вулкан страсти Марата Львовича. И далее сделать все, чтобы сначала подольше удержать его в себе. А потом чтобы он разрядился в нее. И она сейчас искренне желала почувствовать приближение этого мгновения. Она хотела уметь угадывать, чувствовать, что мужчина вот-вот собирается кончить. И не для того даже ей это было нужно, чтобы соскользнуть с члена, и быстро обхватив его губами - восать в себя его жидкость. Совсем быть может и нет. Хотя иногда она и позволяла себе подобные эксперименты. Но вот теперь ей хотелось главным образом просто почувствовать, как набухший у нее между ног мужской член - готов выстрелить в нее. И уже ощущение этого было пожалуй, одним из самых радостных мгновений. В этот день это было именно так. И Соня совсем не хотела, чтобы что-то могло бы помешать этому. Она очень хотела, чтобы такое мгновение продолжалось вечно. И быть

может этого же самого желал и Веригин. Который методично то всовывал то вынимал свой член из стоявшей на четвереньках Сони. И он уже давно не чувствовал такой удивительной умиротворенности. Такого счастья. Счастья, которое можно было сравнить с самым желанным состоянием на земле. Когда... И уж точно не хотелось, чтобы это когда-нибудь закончилось. Да и почему оно могло закончиться? Нет. Такого просто не могло быть. Не могло бы быть никогда. Ни-ког-да... Никогда.

--Я тебя люблю,-- совсем неожиданно призналась Соня уже после того как все кончилось. Конечно, ей быть может стоило это произнести раньше. Но... но девушка была еще настолько невинна, что совсем не понимала, почему это обязательно должно быть именно так. Ведь если у нее должны были родиться какие-то слова, то почему бы она не могла это произносить тогда когда этого она пожелает. И если она это действительно желает, то должно быть точно также должен был желать и мужчина. Который только что с таким наслаждением входил в нее. И что-то даже кричал. И еще раньше - стонал, обхватив ее бедра. И всаживая между ее ног ту ужасную дубину, которая зовется мужским членом. Этот-то член она совсем недавно и заключала в свой рот. И заметила, что это приносило какое-то огромное наслаждение мужчине. И ей удалось убедить себя, что собственно ей и не трудно иногда посасывать его. Тем более если мужчине и действительно приятно. Почему бы как говорится и нет?.. Почему...

--Почему ты ничего не отвечаешь?--спросила Соня.

--А что я должен говорить?--хотел было спросить Веригин, да вопрос как-то повис у него на губах. Ибо Соня - видимо ожидая чего-то такого - распахнула свой халатик. И ее маленькие - торчащие в

разные стороны (озорные и игривые) - грудки притягивали взор Марата Израилевича. И уже совсем не ожидая возникновения чего-то подобного, он ощутил, как его член вновь наливается желанием. А Соня, словно ожидая этого, сделала всего два шага, и склонилась над ширинкой сидящего в кресле мужчины; высвобождая набухший от желания орган любви; и обхватывая его своими губами.

Ей ведь совсем не трудно, убеждала себя девушка. А потом ей очень захотелось, чтобы Веригин кончил ей прямо в рот. И пусть раньше еще такого не происходило с ней. Но ведь все должно было быть когда-нибудь в первый раз. И девушка стала быстро и умело двигать своей головой; и ее губы плотно обхватывали ствол члена. А своим языком она еще умудрялась слегка бить по головке, еще больше раздражая ее Веригина. И вскоре он совсем уже был не в силах сдерживаться. И он вскочил, развернул Соню к себе спиной, спустил с нее трусы, наклонил ее, и ворвался в ее зад своим членом. У него даже не было времени как-то подготавливать ее. И лишь только услышал он как начала стонать Соня. Но Веригин велел ей замолчать - и стал откровенно насиловать ее. Периодически похлопывая по ее ягодицам, просовывал руку, окуная пальцы в намокшую вагину, или -- словно гроздь винограда - заключал ее трясущиеся груди в свои огромные ладони. И в принципе Соня не за ставила себя долго ждать. Забившись вскоре в экстазе. После чего и сам Веригин с чувством выполненного долга смог кончит в нее. Причем жидкости у него сейчас оказалось настолько много, что уже даже вынув член у нее из ануса, Веригин еще больше наклонил Соню, словно бы она была сосуд, из которого смогла вылиться жидкость.

Глава 10

Марина Геннадиевна давно уже подозревала, что ей необходимо было пойти в милицию, и достаточно подробно написать обои всем, чем занималось вверенное ей агентство.

Притом что делать это на самом деле нисколько не хотелось. Ну хотя бы потому, что понимала Марина Геннадиевна, что вполне может после такого шага остаться совсем без тех денег, которые сейчас иной раз буквально сыпались на нее. И ей оставалось как вроде бы только подставлять руки, чтобы загребать все эти сотенные бумажки. И при этом она знала, что поток долларовых банкнот совсем не иссякнет. И уже вроде как ничего более ей собственно делать и не приходилось. Все шло по накатанной. И оставалось действительно только подставлять руки...

Марине Геннадиевне не нравилось то, чем она занималась.

Ей быть может даже хотелось поскорее прекратить это.

Но иногда она не могла удержаться, чтобы сама не обслужить того или иного клиента. И это может даже было немного странно для Марины Геннадиевны. Ну хотя бы потому, что она нисколько себя не отождествляла с теми девушками, которые работали в ее агентстве. И что уж точно - была о себе наверняка большего мнения. Но... случалось так, что иной раз она ничего с собой не могла с собой пожелать. И в такие мгновения ей хотелось только одного. Хотелось всасывать в себя чей-то хуй. Хотелось чтобы ее просто откровенно выебали. Совсем без всяких сантиментов; не спрашивая ни о чем. Быть может даже хотела она быть изнасилована каким-нибудь уже самым откровенным, быть может даже жестоким образом. И чтобы она металась, просила о пощаде, умоляла прекратить все эти

бесчинства; а мужчина совсем бы не обращал на это никакого внимания. И только бы ебал, ебал, и ебал ее. А Марина Геннадиевна неосознанно желала бы, чтобы это продолжалось как можно дольше. Ведь случалось подобное не каждый раз. А она и даже забыла - когда именно?.. И потому ей совсем не хотелось прекращать это. Ну уж - по крайней мере - не так уж скоро. Да и пусть продолжается подобное. Пусть будет чуть ли не вечность. Почему нет? Она вполне готова и потерпеть. Вполне. Готова...

Следует сказать сразу, что ничего подобного никогда с Мариной Геннадиевной не происходило. Ей удавалось как-то быстро сводить на нет какие бы то ни было усилия мужчины. И собственно этому самому мужчине совсем как вроде бы уже ничего и не оставалось, как прекратить любые домогательства (точнее - мысли, предположения о возможности этого...) в адрес Марины Геннадиевны; и как минимум заняться любовью с одной из работниц Марины Геннадиевны. И к чести тех можно было сказать, что они всегда оказывались слово бы наготове. И вовремя. С удовольствием позволяя мужчине изливаться в свои пизды, рты, анусы. Принимая мужскую семенную жидкость себе на грудь. Растирая ее по бедрам. Давая проливаться ей им на пупок. Да и вообще проникать в те места, в которые только мужчина захочет. И уже это, пожалуй, видимо больше всего и ценилось мужчинами. Ибо именно доступности женщин чаще всего и не хватает им. И если бы их жены вели себя в постели таким образом, то быть может совсем и не пришлось бы большинству мужчин - изменять своим сварливым клушам, с которыми их угораздило когда-то "сочетаться браком". И это, так сказать, аксиома семейной жизни. И знал об этом Перечнев более чем. Знал, потому что

он почти исключительно занимался теперь любовью с проститутками. И ценил в них в первую очередь доступность и покорность. И ему уже совсем и не нужно было ничего другого. Ибо достаточно много натерпелся он всего, чтобы теперь не позволить себе просто отдыхать. Устроить праздник своей израненной в семейных скандалах, дрызгах, и прочих непониманиях душе. И он действительно мог себе это позволить. Ему именно этого хотелось. И...

Нет. На самом деле (чего-то такого) Перечнев себе с недавних пор позволить не мог.

Он вообще, если честно, собирался вести какую-то другую жизнь. Жизнь честную и искреннюю. Такую жизнь, после окончания которой ему совсем не должно быть стыдно, что все вышло так а не как-то иначе. И это на самом деле больше всего сейчас занимало его. Он даже и не рассчитывал, что это станет когда-либо для него настолько важным. Но выходило так, что именно так - это все и было. И быть может это даже была загадка. Почти точно так же, как и загадкой стала неожиданная влюбленность Перечнева - в Марину Геннадиевну. И прошло совсем незначительное время, и они уже совсем не могли друг без друга. И уже если что и могло бы их разлучит, то быть может только внезапная смерть. И по возможности - обоих. Но... смерти как вроде бы не намечалось. А жизнь... А нужна ли была Перечневу такая жизнь?! Ведь он отдавал себе отчет в том, чем зарабатывает на жизнь Марина Геннадиевна. И пусть она не сама была проституткой. Но ведь он нисколько не поверит, что периодически ей не приходилось заниматься этим же. А раз так, может ли он тогда полюбить настоящую блядь. Хотя наверное и может, думал он. Ведь на то она и блядь, чтобы всем нравиться. Чтобы нравиться ему. Ведь он... да он ведь ничем и не отличается от других.

Ничем? Разве быть может немного другим размером своего члена. Да характера. Хотя если у его "возлюбленной" достаточно крупное агентство, то ей наверняка приходилось видеть клиентов и с такими характерами и с такими членами. Ну а раз так, то тогда уже, должно быть, и не было никакого преимущества именно у него. Ведь раньше еще можно было бы думать о каком-то своем преимуществе. А так... а так все как будто и уравнивалось. Вот ведь как...

Глава 11

Я конечно, не мог предположить, что мои познания, касаемые всех моих многочисленных друзей и знакомых, зайдут так далеко.

Но выходило так, что, попробовав раз - я уже, получается, и не мог без этого.

И стоило теперь передо мной появиться хоть кому-нибудь - так словно бы уже все и изменялось в моем сознании. Вернее,-- оно уже совсем не способно было справляться с привычным режимом оценки (тестирования?) реальности; а все наоборот - получалось новое; по-другому; иначе. Так, что впору было вообще хвататься за голову. Рассуждая про себя: как же так вообще могло получиться?..

.....

С Павлом Лурье я познакомился случайно.

Отдыхал я тогда на морском берегу одного не очень большого городка; а Павел Лурье (тогда я даже не ведал, что это именно он) обратился ко мне с каким-то, как я посчитал, глупым вопросом.

Я ответил. Причем мои мысли (а ведь до обращения ко мне Лурье я наверняка что-то обдумывал) уже готовы были продолжить цепь своих странствий, как я невольно обратил внимание, что человек этот продолжает стоять около меня. И как будто бы даже не против пообщаться со мной.

Я не очень-то был предрасположен к какому-то разговору. Мне вообще, быть может, в тот момент хотелось побыть одному. Но и оставлять "собеседника" "ни с чем",-- я не хотел. Тем более что мне стоило только посмотреть на него, как он тут же (словно бы и случайно) "предложил" тему для разговора.

О чем мы говорили тогда? Если честно, сейчас я даже и не припомню. Но наверняка на тот момент это мне показалось достаточно важным. Поэтому совсем не считаясь с почти полнейшим отсутствием у меня какого-то времени - я начал разговор с ним. И могу признаться, собеседником Павел оказался очень даже занимательным. По крайней мере, мы обсудили уже достаточно тем; время на часах давно уже перешло отметку полуночи; а нам еще совсем не хотелось заканчивать разговор

. Да и мне показалось, что мы так вообще способны были говорить вечность. Ну... мне так действительно показалось. И я неволен был что-то преувеличивать. Мне -- быть может впервые за долгое время -- стало легко и свободно. И наверняка -- хорошо. В душе. В моей израненной душе, свойство которой было принимать все совсем не так, как это было. И намного преувеличивать опасность. Тем более что (и я это, разумеется, знал) никакой опасности на самом деле и не было. Ее просто не могло быть. И мне действительно так все время казалось. Причем казалось даже тогда, когда я как вроде бы и не хотел этого. Но, несмотря на то, что я действительно все понимал

более чем хорошо, я не мог совсем уж отказаться от того, чтобы взглянуть на ситуацию совсем не так, как это полагалось. И видимо был предрасположен к какому-то совсем неправильному видению этой самой ситуации. И (разумеется) даже не знал: хорошо ли это? Черт побери! Я же понимал что это нехорошо. Я, быть может, понимал что это и вовсе отвратительно!

Но и тогда уже почти точно также - я совсем не мог ничего поделаться с собой. Хотя и видел, что - еще немного - и это может закончиться совсем уж катастрофой. Настоящей катастрофой. Тогда как что там было на самом деле? Если честно - и черт его знает?! Ну да ладно...

На удивление, Павел достаточно быстро все понял. Он вообще показался мне намного смысленнее, чем, наверное, хотел казаться сам.

И выходило все так, что несмотря на (поначалу присутствующую у меня) какую-то внутреннюю зажатость и скованность -- он разговаривал с со мной так, словно бы мы были знакомы вечно. И в совсем скором времени я действительно как-то быстро проникся к нему самым искренним доверием. А потом мне и вовсе показалось, что мы действительно были знакомы раньше. И лишь совсем какой-то нелепый случай способен был (случайно; совершенно случайно) разлучить нас. А вот теперь мы встретились. И уже ничто не способно было помешать нашему общению. Словно бы мы шли к этому достаточно долго. Встретились. И теперь взяли друг с друга слово никогда не разлучаться.

Я ошибался.

Я быть может впервые за долго время достаточно серьезно ошибся. И на самом деле все было совсем уж и не так безоблачно, как я это представлял. А что до Павла... Павел совсем неожиданно оказался почти совершенным шизофреником. И я не мог представить, что я с его психикой все на самом деле будет так плохо. Ведь я и действительно не мог подумать, что он был болен. Что он был настолько болен! Что он был совсем ненормальным. И если что и было удивительным, так это лишь то, каким образом ему удавалось раньше скрывать это. Хотя если честно, ведь ничего по настоящему скрывать ему и не приходилось. Просто у больных людей подобных Павлу, видимо были свои времена обострения заболеваний. И совсем случайно я попал в период его относительного здравствования. Тогда как после этого (почти сразу и достаточно быстро) началось обострение. Обострение, воочию наблюдая которое, я совсем не желал ждать - когда же оно закончится. И просто сбежал. Сбежал от Павла. Сбежал от своего уже почти что к тому времени "друга". Но меня ведь и раньше достаточно часто окружали подобного рода "друзья". Которые внешне может и не казались совсем уж придурками, но я мог не сомневаться, что они таковыми являлись на самом деле. И тогда уже и действительно самым разумным было просто (резко и сразу) прекратить любое общение с ними. И бежать, бежать, бежать от них. Чтобы (по возможности) больше никогда с ними не общаться. И это должно быть было и на самом деле самым разумным, что я мог предложить им. Ну, так уж выходило. Хотя, какую-то часть своих предположений я, должно быть, все же преувеличивал. Ну или - желаемое выдавал за действительное. И тогда уже все это вполне могло бы и не так. не так как я чувствовал сейчас. Но...

Но ведь Павел Лурье был действительно шизофреником. С самой что ни на есть патологией души. И те чудеса, которые он выдавал впоследствии этого -- вполне смахивали на откровенное безумие. Иной раз - ни больше ни меньше. Ну, так уж действительно выходило...

Глава 12

Герман Васильевич Припевкин - с первого взгляда казался достаточно нелепым человеком. Уже пожилой, достаточно тучный, с каким-то (как мне казалось) излишне понурым взглядом,-- он на самом деле, конечно же, не был таким. И я, наверное, уже с первого своего взгляда на него, понял, что достаточно ошибаются те, кто так считал. И в душе Германа Васильевича, на самом деле таились самые серьезные сексуальные фантазии. В большинстве из которых наверняка он боялся признаться и самому себе. Ну или мне так казалось, что он боялся. Притом что чем больше я к нему присматривался, тем больше мне становилось понятно, что этот человек как раз ничего не боится. Но он должно быть делал все, чтобы люди считали (мягко сказать) несколько обратное. Ибо все его повадки, жесты, обрывки разговоров, которые мне приходилось слушать, как бы должны были быть направлены исключительно на то, чтобы сбить с толку любого.

Любого, но не меня.

К тому времени я уже заканчивал институт психоанализа. И наверное считал себя вполне умелым и знающим психоаналитиком. И что уж точно, еще более (чем прежде; хотя и "прежде" это уже было "что-то") присматривался к окружающим. Многие из которых

представляли собой достаточно любопытные модели для исследований. Ну, так мне казалось. И я совсем не считал, что так-то уж ошибаюсь.

Самое малое - слегка преувеличивал. Но не больше. Наверняка ведь не больше.

Герман Васильевич, как я уже заметил, был (скрытым; пока скрытым, ибо он это предпочитал скрывать от большинства окружающих) извращенцем. И его сексуальные фантазии иной раз видимо "зашкаливали" через край. Но мне все же удалось узнать "предел его мечтаний". И как ни странно (хотя, почему это должно выглядеть странным?) рассказал мне он о них сам. Причем у меня совсем не было оснований подозревать Германа Васильевича в какой-то нечестности; и если что-то и было неправдой - так это лишь то, что Припевкин мне не обо всем рассказал. Но "правда", скорей всего, совсем ненамного отличалась от того, что мне уже было известно. А известно мне было то, что Припевкин любил (безумно любил, я бы сказал) любил молоденьких девочек. Лет, этак, четырнадцати, быть может пятнадцати. Наверняка не больше. Причем на удивление, девочки любили его тоже. В их годы они были еще не избалованы вниманием взрослых мужчин. Да и финансово они заметно более стесненны, чем их, например, зрелые подруги; некоторые из которых уже имеют взрослых любовников, которые за совсем незначительные денежные траты получают доступ к юному телу.

Герман Васильевич тоже имел этот доступ. Причем, будучи от рождения трусом, он предпочитал значительно увеличить финансовые возможности (потраченные на девочек), чтобы исключить даже зарождение мотива недовольства. И в какой-то мере был прав. Ибо за

те несколько лет, в течении которых его толстый член обхватывали тонкие губы различных девочек (иной раз девочек было несколько, и их тридцати-тридцати пяти килограммовые тела казались смешными в сравнении с его почти сто сорока килограммовым сгустком жира), у ни одной из них не возникло и мысли о -- хоть каком-то -- недовольстве.

А даже наоборот: девочки вполне охотно забавлялись с тучным Припевкиным. Дозволяя ему достаточно многое. Тем более, что Герман Васильевич, словно почувствовав свою безнаказанность, достаточно охотно пользовался всеми частями тела этих маленьких шлюшек.

Он даже умудрялся как-то отличать их,-- хотя для меня они казались совсем одинаковыми. Звали девочек, если мне не изменяет память, Люся, Лера, Лена, и Люба. Так что выходило так, что уже даже и имена у них были в какой-то мере схожие. Причем, что касается внешности,-- были они и действительно схожи.

Всем им было, как я уже заметил, лет по четырнадцать - пятнадцать. Небольшого роста, худенькие, с совсем еще не развитыми маленькими, торчащими в разные стороны грудками, все какие-то даже угловатые -- эти девочки казались совсем невинными при поверхностном взгляде на них. Но стоило лишь присмотреться -- как вы замечали хищный оценивающий взгляд маленьких волчиц. И стоило вам только отвернуться, как вы уже могли быть уверены - на вас в тот же час набросятся; и самым жестоким образом изнасилуют. При этом вам действительно не следовало поворачиваться к ним спиной. Или хотя бы оставлять свой член без надзора. Ибо будьте уверены - к нему тотчас же припадут те или иные девичьи губы. И вам совсем уже ничего не останется, как положить свои ладони на голову

одной из этих девиц, вздумавшей вдруг сделать вам минет. И ведь неудобно было отказываться! Совсем нет! Да и будьте уверены - если кто-то из них решил у вас отсосать - она сделает это. Чего бы ей это не стоило. Да и почему бы нет? Пусть сосет, наконец. Пусть сосет...

.....

Герман Васильевич, конечно, иной раз удивлялся, когда - просыпаясь - видел в своей постели ту или иную девочку-подростка.

Но должно быть, еще больше он удивлялся, когда эта самая "девочка" тянулась к его члену. Член, заметим, тотчас принимал положение полной готовности. И она, подразнивая языком его яйца, приводила Германа Васильевича в такое состояние, когда его мысли уже крутились лишь только около одного: как бы ей поскорее "запердолить".

Груб он был, конечно. Иной раз бывал и очень даже груб.

Но вот с собой Герман Васильевич совсем не мог ничего поделаться. И даже более того, этот старый педераст необычайно радовался, когда ситуация складывалась именно таким образом. И ему уже тогда -- как вроде бы -- действительно ничего не остается, как войти в какую-нибудь пизду своим истомившимся от желания членом. И вертелась тогда девушка на его конце. А он еще больше напяливал ее на него. И она уже думала о том, когда же это все закончится? Когда эта страшная штукавина (хотя "штуковина" на самом деле была "так себе") наконец-то изрыгнется проклятой жидкостью. И тогда ведь (девушка об этом уже знала) мужской орган любви (хотя, была ли это на самом деле любовь?) наконец-то увянет. И она сможет сползти с него. И быть может тогда закурит; или даже сделать глоток вина...

Не так-то быстро это на самом деле заканчивалось.

В этом плане Герман Васильевич был опытным любовником. И предпочитал, если уж кто попадал ему в руки, то максимально воспользоваться этой ситуацией. И уж если оттрахать, так оттрахать. Так чтобы потом, как говориться, не было стыдно, что все так получилось.

Он и трахал. Он крутил ее худенькое тельце в разные стороны. Переворачивая его с бока на бок. Он входил в него сзади, слегка придерживая ее маленькие ягодицы, и словно бы всаживая ни член в них, а тело девушки - на свой огнедышащий вулкан нереализованной страсти; он укладывал девушку на спину, и просив ее предварительно приподнять свои ноги -- еще шире раздвигал их; а потом своим членом - раздвигал ее щель, входя почти наполовину. Сначала - наполовину. А потом и почти полностью. И тогда его яйца бились об нее; а она закусывала губы, неосознанно умоляя его войти еще глубже. Но легко было сказать "еще". Ведь на самом деле член у Германа Васильевича был и действительно не такой уж большой. И если таким он кому мог показаться, то только лишь ей. Тогда как сам Герман Васильевич пыхтел от напряжения; безуспешно пытаясь просунуть еще глубже (выполнив тем самым уже получается "просьбу" девушки). Но у него совсем не получалось. И тогда он немного злился. И принимался за новые попытки. Или, видимо сообразив, просто ставил девушку на четвереньки, и в предвкушении испробовать эту новую позицию, входил в нее сзади.

На удивление ей нравилось. Так ей казалось -- что мужчина действительно чуть глубже проникает в нее. И тогда она даже хотела сделать ему что-нибудь приятное. И подмахивала своим тазом. Словно бы качаясь на волнах. Ну или ей так хотелось на тот момент

казаться, что это так. И должно быть в этом действительно была какая-то романтика. По-крайней мере так казалось... Кому?.. Ей?.. Ему?.. Быть может даже им и обоим...

Нет. Герман Васильевич наверное был не совсем плохой человек. Ведь он на самом деле не заставлял всех этих несовершеннолетних девочек заниматься с ним любовью.

И он всегда платил им. Платил столько, сколько они сами просили. И даже давал еще немного сверх того. А потом приглашал их вновь. И уже по тому, что они приходили (а большинство из них действительно приходили), можно было сказать, что никто из них не был в обиде на Германа Васильевича. И им быть может, действительно все нравилось. Черт его знает, что им в нем нравилось? Может только его деньги? А может кто-то из них уже был настолько развращен, что им нравился и сам "процесс". Трудно сказать... В какой-то мере, скорее всего было верно и то и другое и третье... Что же до самого Германа Васильевича Припевкина... Так ему все происходящее более чем нравилось... Хотя он и не позволял себе заниматься этим слишком часто. Видимо считая это все-таки чем-то сродни какой-то аморальности... И скорее всего это было действительно так...

Глава 13

Веригину, по сути, были безразличны все эти любовные ухищрения его друзей.

Иногда на него накатывала полная апатия. И тогда он уже не о чем не мыслил, кроме как побыстрее упасть куда-нибудь в постель, и

забыться крепким сном. Сон,-- вот что было, по его мнению, лучшим средством против всякой хандры и беспокойства. А еще, наверное, хороший секс. Но сон - он все же заблаговременно оставлял как бы на потом. Предпочитая все же что-нибудь поспокойнее. А потом - сон.

Он спал, иной раз, целые сутки. Спал, предпочитая довериться своему бессознательному, которое во сне вступало в свои полноправные права. И уже казалось, что мог обрушиться мир. Но разбудить Марата Израилевича будет невозможно. Да это быть может и неплохо. По-крайней мере свои восстанавливающие функции сон выполнял на все сто. И Веригин просыпался после -- порой несколько суточной спячки -- уже несколько не утомленный своими (так всегда нападавшими на него) проблемами. Более того. Уже каких-то проблем не существовало и вовсе. И тогда он с жаром принимался за новые дела. Собираясь, вероятно, их выполнить все разом.

И через какое-то время видимо удивлялся, когда у него это не получалось. Ну или, не совсем получалось. И тогда он какое-то время раздумывал, пытаясь убедить себя, что на самом деле в скором времени все изменится. А пока это лишь какое-то недоразумение. Которое наверняка (и действительно) исчезнет. Ситуация - изменится. А сложившее положение - станет другим.

Излишне будет даже говорить, что все это было не так.

И почти как всегда - Веригин ошибался.

Но уже видимо самое интересное заключалось в том, что Веригин сам хотел... ошибаться. Ну,- так уж выходило. И быть может, сколько бы он уже не расстраивался по этому поводу -- , все выходило не так как он это себе представлял. И даже наверное можно предположить, что все было и совсем даже не так. Но тогда как?

.....

Папа Веригина, Израиль Соломонович Баринзон, души не чаял в своем сыне.

Однако он бы никому в этом не признался, кроме самого себя. И потому внешне он всегда оставался по отношению к своему отпрыску почти что безразличным. А тон его был сух, а то и даже груб. Речь была деловая. И вообще все в нем больше свидетельствовало о его какой-то безучастности (даже враждебности), нежели чем о каком-то добром отношении.

Иная ситуация с мамой Веригина.

Таисия Сергеевна Веригина женщина была хрупкая, ранимая, и даже немного придурковатая. Так уж выходило, что она такой всегда казалась. И если бы не наблюдательный взгляд любого желающего (кто бы вдруг решил понаблюдать за этой женщиной) -- вам бы могло показаться, что пред вами даже не женщина, а какое-то амебоподобное существо. Хотя и через время общения с ней уже казалось что это не так. Не совсем так. А то и не так - вовсе. И вы - просто-напросто - ошибаетесь. А ваши былые предположения - совсем даже ошибочны. Ну... так уж выходило...

Причем вполне создавалось впечатление, что Таисия Сергеевна делала все, что бы вы не почувствовали себя - в оценке ее - каким-то идиотом. Идиотов и так хватает,-- не раз повторяла она. И тогда вы кивали с самой идиотской улыбочкой. Неосознанно пытаетесь

понять, имела ли она среди всех этих "идиотов" -- и вас. И понимая, что разгадать это на самом деле вам никогда не удастся.

Но Таисия Сергеевна и действительно делала все, чтобы вы ни в чем не почувствовали себя униженным или оскорбленным. Она быть может и наоборот - сама бы рада выглядеть в ваших глазах такой. Почему? Да это, скорее всего - как рассуждал Веригин - была ее защитная реакция.

Марат Израилевич (и это можно было признать без всякой доли условности) боготворил мать. Он даже (как мы уже заметили) и фамилию взял ее. Словно бы предполагая, что если вдруг - когда-нибудь - что-то изменится, то ничто его уже не будет сковывать в желании показать себя таким, каким он был на самом деле. А был он, надо заметить, нежным и любящим сыном. Предпочитая лучше не произносить вслух каких-то плохих слов, если они напрашивались слететь с его уст.

А уже если в его мыслях появлялось что-либо хорошее - Веригин наоборот - стремился поскорее рассказать об этом. Совсем не заботясь о том, что кому-то это может показаться и вовсе безразличным.

.....

Родителей Веригина уже как год не было.

Они умерли почти в один и тот же день. Отца сбила машина. Почти точно также как одного из героев его последней книги (он был писатель-фантаст). А мама... Мама... Веригин почти не помнил, как

умерла его мама... Это произошло так внезапно... И словно бы в каком-то нелепом сне. Который как вроде бы никогда и не заканчивался. А начался совсем даже внезапно. И как только началось это - проходило все в каком-то тумане... Нелепом тумане... По крайней мер он и действительно ничего не помнил... А быть может (что уже было скорее всего) он и не хотел помнить... Вспоминать... Веригин не хотел этого ничего вспоминать... И прошел уже год, но он так ни разу и не пытался восстановить в памяти произошедшие события... Словно бы их и не было... Да быть может их и действительно не было... Ему так казалось... Ему так - хотелось... казаться... Хотелось чтобы это было так. Именно так. Так, и никак иначе... Да и могло ли быть как-то иначе?-- рассуждал Веригин. Наверное, нет. Наверное, все же нет,-- пытался убедить он сам себя.

...Веригин очень изменился после смерти родителей. Хотя, конечно же, он совсем не помнил себя прежнего. Его прежнего - уже как будто и не существовало вовсе. Он вообще теперь стал каким-то другим. Почти в одночасье он не только изменился, но и прежние мысли, желания, поступки словно бы исчезли от него. И уже ничто не говорило за то, что ему когда-нибудь удастся вернуть их. Да быть может и правда - зачем?

.....

Маме Марата Веригина хотелось, чтобы сын стал известным врачом. По профессии она сама была врач. Врачом был ее папа. Ее дедушка. А один из прапрадедов вообще был известным хирургом. Настолько известным, что в одну из своих поездок по югу российской

империи - к нему за помощью обращался даже сам государь-император.

Но это скорее уже была семейная легенда, чем правда. Хотя сам Веригин предпочитал не подвергать сомнениям какие-то предания. Считая, что у каждой из них - есть своя функция, роль, и обязанность. И разрушение мифа еще никогда ни к чему хорошему не приводило. А только вносило в умы людей сумятицу. Рождая нерешительность, недовольство, и прочу какую-то ересь. Которой -- лучше если бы не было, чем она была. Так он считал. И быть может точно также считала мама Веригина. Которая до конца жизни не могла себе простить, что безучастно наблюдала за тем, как ее сын избрал совсем другую профессию. Причем профессию врача он все же получил. И только она знала, каких это стоило ей трудов. Потому что уже тогда сын не хотел учиться вовсе. И она быть может даже обрадовалась, узнав, что его "нежелание" учиться -- не было нежеланием учиться вообще; а касалось лишь каких-то определенно выбранных (не им, разумеется) профессий. И что когда у него появилась действительно возможность - он разом (одновременно и с отличием) закончил два университета. И к профессии врача присовокупил профессии сценариста и психотерапевта. Хотя это уже скорей всего было на каком-то почти что излете. Потому как кроме написания своих сценариев - Веригин больше ничем не хотел заниматься. Да это ему было наверное и не нужно. Ведь как мы уже говорили, почти по всем сценариям его были сняты фильмы. А некоторые из них имели даже неплохие кассовые сборы. Так что...

.....

Папа Веригина на самом деле очень любил своего сына.

Просто выходило так, что ему раньше удалось предугадать дальнейший путь того. И наверное именно это -- рождало в его душе разочарование. И должно быть от этого - у него появлялись (совсем не нужные!) сомнения относительно будущего и своего. Ибо пусть Израиль Соломонович и понимал, что он не вечен--, но прожить-то он как раз хотел долго. И должно быть, очень бы удивился, если бы узнал, что так на самом деле не будет. И смерть подкрадется к нему внезапно и неожиданно. А он не успеет даже вскрикнуть. И лишь только водитель КАМАЗа, случайно заметив (уже под колесами) человека - резко крутанет руль в сторону. Но это уже совсем ничего не изменит. И когда подоспеет помощь - писатель-фантаст Юрий Карпов будет мертв. И это, к сожалению, уже будет самое что ни на есть реальность. Тогда как большинству героев его книг - все же как-то удалось выжить. А кому-то даже и ожить. Кому-то... Но среди них не было их автора.

И лишь только некоторые -- из особенно преданных читателей - ждали, что на самом деле так произойдет.

Но какое-либо ожидание их -- еще совсем не значит, что когда-либо это действительно случится. Когда-либо...

Глава 14

Максим Леонидович Захаревич неожиданно обратил свой взгляд на Марину Геннадиевну.

И ведь не сказать, что в этом было так-то уж что-то странное. Совсем быть может и нет. Но если посмотреть с другой стороны, то в этом вполне могло заключаться и нечто загадочное для самого

Захаровича. Ибо выходило так, что он совсем не мог предаваться с Мариной Геннадиевной какому-то разврату. И даже будучи наслышан (да и знал ведь, стервец, наверняка) о ее "месте работы" -- он все равно не был способен с собой ничего поделаться, кроме как незримо наблюдать за ней, ожидая, когда она сама к нему подойдет, возьмет его вялый член в руки, и нехитрыми манипуляциями своими пальчиками приведет его в самую что ни на есть боевую готовность.

А дальше как будто ничего и не изменится. Она будет продолжать дрочить. И через время он кончит. И лишь быть может смущенная улыбка, появившаяся на его лице, выдаст ее какую-то реакцию на происходящее. Но при этом она даже не удосужится поцеловать Максима Леонидовича. И тем более (он даже и не помнил, чтобы это когда-то происходило) взять его член в рот. Чтобы губами и языком - разрядить его в себя. Нет. Такого она с ним никогда не будет делать. И даже после того, как он уже кончит - она не склонится, и не слижет последние капли изливающейся жидкости. И ведь не сказать, чтобы для нее это было противно. Совсем нет. Марина Геннадиевна в свое время любила сосать мужской пенис. И даже можно предположить, что для нее это и до сих пор осталось одним из любимых занятий. Но вот с Захаровичем она этого почему-то не делала. Почему?

.....

Должно быть покажутся совсем не уместными какие-то наши предположения относительно того, почему это так действительно происходило. Ну, быть может, только можно представить себе что-то совсем даже и не существующее. Чтобы потом уже исходить из этого

в попытке вообразить себе какую-то нелепую (в своем существовании) теорию. И то, только лишь для того, чтобы в итоге махнуть на все рукой. И начать сначала.

Захаревич сам не знал что позволяет ему "терпеть" эту страстную женщину, как он про себя называл Марину Геннадиевну. И все же можно было предположить, что виной всему был именно секс. Именно та форма сексуальных наслаждений, которой он предавался с ней. И пусть даже никакого там собственно секса и не была. Пусть это было лишь полное (или даже абсолютное) безобразие. Ну или (уже скажем мягче) только прелюдия к сексу. Почему бы и нет? Почему бы именно это - и не нравилось Захаревичу? Почему ради этого он не был способен к совершению каких-то и вовсе ненужных поступков. Почему же? Ведь как раз это, наверное, и было. И Максим Леонидович открыл для себя, что в своей жизни ему пришлось испытать достаточно многое. Но именно то, что происходил сейчас между ним и Мариной Геннадиевной (этой 47-летней вдовушкой и к тому же владелицей ведущего в городе порно-агентства), ему то как раз и нравилось. Нравилась, быть может, ее безучастность. Нравилось, когда его член ни с того ни с сего принимал повышенные обороты лишь только от одного предположения, что с ним будет делать Марина Геннадиевна. Нравилось, когда она перекаtywала между своими пальчиками его яйца. Нравилось, когда головка его члена обнажалась, просясь окунуться в какую-нибудь подходящую норку. Но Марина Геннадиевна словно бы и не замечала этого. И лишь только иногда она, почувствовав приближение Максима Леонидовича сзади (и словно независимо от своего какого-то желания; но уже трудно было предположить о полном отсутствии его) вставляла его

эрегированный пенис между своих ягодиц. И Максим Леонидович даже боялся признаться себе, что там уже все как будто и готово. И его член, не встречая совсем никаких преград, уверенно скользил, проникая все глубже и глубже. И тогда уже внутри Максима Леонидовича Захаровича разливалась какая-то истома. И он брал на себя смелость чуть сильнее прижаться к Марине Геннадиевне. И видя, что он нисколько не обнаруживает (никакого!) сопротивления - он тогда уже еще крепче брал ее за бока, и еще больше убыстрял свои движения. Чтобы вскоре уже с силой врваться в нее. И тогда уже казалось, что никто его не остановит. А его поршень накачивал Марину Геннадиевну в зад. И ее попка извивалась, ощущая в себе нечто прекрасное и удивительное. Быть может и самое удивительное, что создала природа. И уже когда Марина Геннадиевна позволяла себе признаться в этом - она кончала. Кончала так, что рассыпались звезды на мелкие брызги. А с криком -- у Марины Геннадиевны уходили все страхи, тревоги, и какие бы то ни было внутренние неудобства.

И ничто уже ей не мешало обернуться к изможденному Максиму Леонидовичу. И тогда она позволяла себе склониться над той его частью, которая только что подарила ему столько наслаждения; и губы Марины Геннадиевны инстинктивно приоткрывались, и через секунду-другую она себя уже ничем и не сдерживала, обсасывая все еще набухший член Захаровича. А тот, видя такое дело, как бы понимал, что все еще не закончилось. И тогда Максим Леонидович укладывал женщину на спину, раздвигал ее половые губы своим языком, и врвался в ее плоть; которую то лизал то покусывал. Всасывая в себя ее клитор. Пока наконец не чувствовал, что Марина Геннадиевна уже как вроде бы и не может больше терпеть. И тогда Захаревич вставлял в ее вагину свой член. И через

какое-то время кончал прямо в нее. При этом даже зная, что на этом тоже все нисколько и не закончится. Потому что не каждый раз Марина Геннадиевна позволяла делать с собой все, что он захочет. И если сейчас это случилось, то он уже хотел максимально этим воспользоваться. Что, собственно говоря, и делал. Врываясь в плоть женщины с силой и настойчивостью какого-нибудь геолога-первопроходца. И Марина Геннадиевна на удивление Максима Леонидовича скулила, умоляя еще и еще; но он ведь и совсем не думал сейчас останавливаться. Быть может даже наоборот, он желал сейчас всячески унижить, растоптать эту некогда неприступную женщину. Женщину, которая сейчас превратилась в какое-то былое подобие себя. И что-то на него действительно находило. Потому что с каждым своим толчком он все больше и больше чувствовал, как в нем возрастает какая-то первородная сила. И он трахал и кричал. И сам неосознанно умоляя ее не останавливаться. Но она ведь не хотела этого. Не думала сейчас, что он может как-то внезапно остановиться. Чтобы, наверное, было возможно, если бы он кончил в нее. Но теперь он словно бы и до последнего оттягивал это. И совсем даже не кончал. Не кончал. Не кончал...

Потом он в нее все же кончил. И тогда ей показалось, что словно бы в нее вставили какую-то большую клизму. И разом сжали ее. И семенная жидкость Максима Леонидовича моментально заполнила все плоть Марины Геннадиевны. А он все продолжал и продолжал изливать ее в нее. И когда уже казалось, все и должно было закончиться,- он только еще больше приподнял ее таз, и... не останавливался; сочетая фрикции с криком оргазма; сдабривая все это более чем обильным семяизвержением. После чего он устал. И

остановился. И взяв ее за голову - насильно всадил свой член ей в рот; излив таким образом семя уже туда. Излив туда остатки своего семени. Но и этого хватило, чтобы Марина Геннадиевна чуть не поперхнулась. Скорее все-таки от неожиданности. Но у нее совсем не было сил как-то препятствовать этому. И она -- должно быть и сама -- неожиданно для себя ощущала сейчас свою покорность. И это ей даже нравилось. И будет нравится еще какое-то время. После чего она уже окончательно придет в себя. И словно бы даже удивится, ощутив выливающиеся из своей пизды капли спермы Максима Леонидовича. А он будет совсем непринужденно взирать на нее. И лишь только легкая полуулыбка слегка выдаст его. Но Марина Геннадиевна умела держать себя в руках. И сделает вид - что не заметила...

Глава 15

Сколько я не пытался всматриваться за Владом, он все так и остался для меня какой-то по истине загадочной фигурой. И несмотря на все мои усилия, он, быть может, таким для меня и остался, если бы... если бы в какой-то момент он сам не решил что должен исповедоваться передо мной. И, признаться, теперь именно я как бы оттягивал этот момент. По возможности находя какие-то причины, по которым он этого делать не мог. И могу сказать, что мне это до каких-то пор вполне удавалось. Должно быть Влад все-таки был достаточно скромным человеком. Другой бы на его месте попросту не заметил бы моих невольных ухищрений. Но Влад, как оказалось, был совсем не такой. Хотя и несмотря на это, через время что-то подобное показалось мне как минимум неприличным. И тогда я предпринял все, чтобы Влад вновь обратился ко мне со своей просьбой. И могу

сказать, что Влад словно бы только этого и ждал. Потому как я уже не заметил и сам, как начал слушать Влада. И могу даже сказать, что его рассказ показался мне достаточно занимательным. Да он, быть может, и вовсе бы мне понравился, если бы главной героиней в нем все время не фигурировала моя жена.

Но прошло еще какое-то время, и я как-то неосознанно перестал замечать что это так. А еще через время даже и наоборот - уже только желал этого.

Владу было всего двадцать три года. Несмотря на столь юный возраст он уже многое повидал. Быть может потому и выглядел как минимум лет на десять старше.

Из своих двадцати трех - пять лет Влад провел в тюрьме. Попав туда в четырнадцать, он четыре года отсидел на малолетке. И еще год захватил уже взрослой зоны.

Освободившись в девятнадцать, Влад как-то быстро женился. Через полгода брака он развелся. Потом повторил попытку построения счастья. Но - с таким же результатом. В итоге, к двадцати трем годам у него уже было две жены. И двое детей. По одному с каждого брака.

Но дальше было еще интереснее. Примерно год назад Влад влюбился в преподавательницу вуза. И она ему ответила такой взаимностью, что оставила своего мужа (доцента той же кафедры где она и работала), и стала жить с Владом. И вышло так, что Владу настолько развратил эту (раньше, как я подозревал, необычайно скромную и застенчивую) женщину, что через какое-то время понял, что та превратилась в настоящую блядь. И помимо него - имела двух любовников. Периодически трахаясь еще и с бывшим своим мужем. Причем Влад чувствовал, что несмотря на такое количество мужчин

(и даже несмотря на то, что он сам по несколько раз на день трахал ее), его жене все равно было мало. Настолько мало, что она все чаще просила еще и еще. Еще и еще. Причем, неожиданно призналась, что ей стыдно, что приходится изменять ему. Но она как будто уже ничего с собой и не может поделать.

Влад задумался как ей помочь. Но ничего путного ему в голову не приходило. Он, было, решил оставить эту ебливую сучку, но день-два проведя без нее - понял, что слишком привык к ней. Причем привык настолько, что готов был терпеть ее вместе со всеми ее причудами. Сексуальными сдвигами. Разного рода пристрастиями и прочими мерзостями.

Видимо он ждал какого-то совета от меня. Я предложил Владу объединить всех любовников его жены.

-- Чтобы они трахали ее в моем присутствии? -- спросил он.

--Ну а почему бы и нет?! - переспросил я.

--Вы считаете, что это нормально?

--Ну почему же нормально? Хотя...

-- Что?

--Да нет...--согласился было я с его предположением. Хотя почти тут же вспомнил, как Влад сам трахал мою жену. И видимо он заметил какое-то особое выражение в моем взгляде, и поспешил заверить меня, что как раз это у него вышло совершенно случайно.

--Случайно?

--Уверяю Вас. Совершенно случайно.

--Да нет...-- поспешил успокоить я Влада.--Я ведь нисколько не собираюсь тебя в чем-то обвинять. Я, конечно, не считаю твои действия нормальными. Но и какой-то особой патологии здесь не вижу. Ты даже можешь продолжать делать то же самое. Мне лишь

только не хотелось бы, чтобы потом я подхватил какой-нибудь триппер.

Влад как-то настороженно посмотрел на меня. И я понял, что он не только трахается с моей женой. Но и видимо у него есть и другие (помимо его и моей жены) сексуальные партнерши. Вопрос только в том: постоянные ли они или нет? Потому как совсем неизвестно с кем трахаются они. И какая гарантия, что в этом клубке сексуальных девиаций не встретится кто-то, кто окажется болен. И примерно об этом я сказал Владу. Но (на удивление) он уверил меня, что помимо наших жен - в половую связь он больше ни с кем не вступает. И в ближайшее время у него нет даже таких мыслей. И если я разрешил ему спать со своей супругой... взгляд на меня... если бы я только был настолько любезен - то у него разом снялось бы множество проблем.

--Я в принципе согласен,-- кивнул я.--Ты даже можете брать мою супругу и устраивать оргии, в которых как раз будут участвовать и твоя супруга и все любовники твоей жены. Тем более моя жена невероятно любит всякого рода оргии. И я был бы даже рад, если хоть немного знал, кто кроме нее еще в них участвует.

Влад был невероятно счастлив от такого предложения. Причем счастье его было настолько естественно, что он принялся искренне благодарить меня. И мне уже совсем ничего не оставалось, как уверить его, что на самом деле ничего и не произошло. Просто я теперь еще раз убедился, что моя жена блядь. И что твоя жена - тоже блядь. И что ты теперь вполне легально будешь трахать мою супругу.

-- Вот, собственно, и все,-- подытожил я.

-- Все то оно все,-- задумался Влад.-- Но вот...

-- Что тебя тревожит? -- посмотрел я на него.

-- Да понимаете...--замялся Влад.

--???

--А что же тогда со всего этого будете иметь вы?

--О, обо мне вы можешь не беспокоиться,-- усмехнулся я.--Я уж найду чем мне заняться.

Влад недоверчиво посмотрел на меня.

--Ну понимаешь,-- продолжал улыбаться я.--Чем больше моя супруга будет хоть чем-то занята - тем чаще ее не будет рядом со мной. И это как раз то, ради чего я готов пожертвовать многим.

--Вы так от нее устали? - поинтересовался Влад.

--Устал? - не понял я его.--Ах да! Устал! Конечно же, устал. Устал настолько, что давно бы развелся с ней.

--Что же вам тогда мешает сделать это?--заинтересованно посмотрел на меня Влад.

--Я не очень уверен, что кто-нибудь другой будет лучше. К тому же Илона мне необычайно подходит в постели. Быть может свой безотказностью. Своим желанием какого-то эксперимента. Своей постоянной доступностью. Ведь ты уже заметил, что она всегда в первую очередь думает о том, как удовлетворить мужчину. Словно бы заранее будучи уверена, что мужчина-то ее всегда удовлетворит. Выебет, так сказать, по полной программе. И могу предположить -ни с одним из своих партнеров Илона никогда не ошибалась. Ведь, как я понял, ты тоже немало потратил сил, пока не убедился, что смог удовлетворить эту женщину.

Влад незаметно кивнул.

Так что, я в какой-то мере прав.

Влад кивнул вновь. Уже увереннее. И вот уже видимо тут он решился со мной поделиться тем, с чем, как я понял, он ко мне и пришел.

Как оказалось, у Влада была сестра. Сейчас ей было восемнадцать. Но примерно лет с двенадцати девочка жила половой жизнью. Как я понял, у Наташи (так звали его сестру) были очень доверительные отношения с братом. Поэтому я мог вполне быть уверен, что определенную часть информации вполне смогу получить от него. Но потом я должен буду выслушать и ее, предупредил я Влада. Он вынужден был со мной согласиться. Хотя я и видел, что как бы против своей воли. Видимо он очень сильно ревновал ее. И я стал более внимательно присматриваться к нему. Пока не нашел подтверждение своей догадке. Примерно год-два назад они оказались вдвоем на даче. Причем как-то так выходило раньше, что если они и оставались вдвоем, то ни у кого из них (по словам Влада) и не могли появиться каких-то преступных мыслей по этому поводу. А тут он сам почувствовал, что сестра слишком странно смотрит на него. Словно бы ей видно что-то, что пока никак не удастся понять ему. И вот тогда же все и произошло. Влад сидел на ступеньках веранды, курил. Ночь только-только вступила в свои права, и звезды уже освещали своими блестками ночную тьму. А еще была такая луна...

Выражение лица Влада как-то даже изменилось; на миг посмотрев на него, я поймал себя на мысли, что оно видимо было как раз таким как тогда. И понаблюдав еще какое-то время за ним, я понял что, собственно, недалек от истины.

-- Расскажи, как все произошло? - попросил я Влада.

-- Я сидел на крыльце... Не помню о чем тогда думал... Быть может тогда даже совсем и ни о чем... Хотя... Это было как раз почти

что сразу после моего второго развода... И видимо как я не противился, мои мысли были о том, почему все так произошло... Сестра видимо почувствовала, что мне сейчас не очень хорошо... Она присела рядом... Между нами состоялся даже какой-то разговор. Но вот я внезапно почувствовал, как мой член стал набухать. Понимаете, я сам понимал, что сейчас это не совсем то, что нужно. Но ведь я и неволен был как-то остановить этот процесс. Хотя я и пытался. А потом стал представлять как губы моей жены (первой, второй, на тот момент это было и не важно) обволакивают мой член. И видимо даже как-то распрямился; давая ему чуть больший простор. При этом я старался, чтобы это было не заметно сестре. Но стоило мне закрыть глаза, как я почувствовал, как чья-то ладонь легла на него. Я боялся даже о чем-то подумать и закрыл глаза. Мы просидели так какое-то время. Потом... Потом она склонилась над ним, и высвободив его, обхватила губами...

--...Продолжайте,-- попросил я.

--Я боялся себе представить, что происходит что-то из того, что никогда не должно было произойти. Но понимаете, я все еще боялся открыть глаза. И она все сделала сама.

--Что?.. Что она сделала?..

--Сначала она просто сосала его. Причем я тогда поймал себя на мысли, что делает она это значительно лучше, чем мне пришлось испытывать подобное раньше... А потом она влезла на меня, повернувшись ко мне своим тазом. Я все еще не открывая глаз я принялся всасывать в себя то, что было у нее между ног. Я целовал ее плоть, я лизал ее, и ее сок стекал по моим губам, попадая на лицо, а у меня не было даже времени вытереть это; уж слишком я был занят

самим процессом. Да и мой член, признаться, действительно испытывал такое наслаждение...

Потом я перевернул ее, и вошел сзади. Она как будто не только не сопротивлялась, но и попросила, чтобы это было именно так. Я все еще сдерживался. И она уже как будто сама насаживалась на него. А потом я уже не мог себя сдерживать. Я врвался в нее с силой охотника. Стремясь как можно глубже вогнать в ее прямую кишку свой пенис. И он принял такие размеры, что мне показалось еще немного и он лопнет. Но я все продолжал трахать ее. Потом положил ее на спину, приподнял ей ноги, и, поддерживая их за бедра - принялся самым откровенным образом ебать ее. И при этом, с каждым своим толчком убеждался, что ей не только это нравится, но хочется, чтобы я не останавливался. Да и разве мог я остановиться?!

Через какое-то время я развил такой темп, что если бы кто и захотел меня стащить с нее - у него бы ничего не получилось...

...Потом она опустила свои ноги, свела их вместе, и таким образом уже даже если бы и захотел это сделать я сам, мне ни за что бы не удалось вытащить свой член из нее. Но пока я этого не хотел. И все двигал им вперед-назад. И удовольствие било каким-то фонтаном мне в мозг. Рассеиваясь там на мириады мелких частиц. И мне уже совсем невозможно было сдерживаться. А потом... А потом она принялась кончать раз за разом. И я напряг все свои мышцы, чтобы удерживать свой пенис внутри нее. Ее тело извивалось и дергалось подо мной, а сама девушка стонала и плакала. И когда я только подумал о том, что это только я дарю ей все это наслаждение - мне уже совсем невозможно было сдерживаться. И я кончил так, как до этого мне еще никогда кончать не приходилось. И вливал в нее поток страсти. И брызги от него окропляли меня, выливаясь обратно.

Потому что там у нее еще видимо не было столько места, чтобы вместить все что намеревался отдать ей я. И уже вскоре мы были совсем мокрыми. А я все кончал и кончал, и казалось, совсем не мог (не был способен!) остановиться.

...Но и даже когда я закончил, я только почувствовал что она еще сильнее обхватила мой член мышцами влагалища. И ему стало там настолько уютно, что он вновь стал набухать. Расти и расти, расти и расти, расти и расти... А я вновь почувствовал желание. И между нами все продолжилось. И как и прежде, одному моему оргазму предшествовало ее несколько. И быть может это и совсем никогда бы не закончилось, если бы я вдруг не понял, что все это время на нас кто-то смотрел. Но у меня совсем не было сил даже повернуть голову, чтобы впиться взглядом в глаза этому извращенцу. И если и было у меня какое желание - так это лишь только продолжать ебать ее. И чтобы это никогда не заканчивалось. И чтобы она кончала, извивалась, и стонала подо мной. И чтобы продолжать кончать в нее. И я только еще крепче обхватило ее. А она с такой силой держала меня, что мне казалось, что меня обнимал своими щупальцами какой-то осьминог. И мой член все еще был погружен в нее. И она его там так крепко держала... В общем, у меня уже совсем не было сил... Совсем не было сил...

--За вами действительно кто-то наблюдал?--спросил я.

Влад видимо еще не отошел от впечатлений от собственного рассказа, и поэтому посмотрел на меня отвлеченным взглядом.

--На вас кто-то смотрел? - переспросил я.

--А... Нет. Вернее - да. Хотя... Скорей всего мне просто показалось...

Я кивнул.

Видимо это показалось Владу немного подозрительным. Поэтому должно было пройти еще какое-то время, в течении которого никто из нас не проронил ни слова. Мы лишь молчали, уставясь друг на друга.

--Ты любил... извини, ты любишь... ведь ты же до сих пор любишь ее...-- решил я нарушить молчание.

--Люблю. Я и на самом деле ее люблю,-- признался Влад, понуро опустив голову. Но через мгновение он уже смотрел на меня немигающим взглядом. Немигающим...

--И она тебя любит,-- предположил я.

--Любит,-- согласился Влад.

--Ну почему же тогда, черт возьми,-- начал было я, но остановился, заворожено уставясь на предостерегающе вытянутую руку Влада. Ну или мне так показалось. В смысле какого-то предостережения с его стороны. Потому уже как вскоре я убедился, что жесты Влада имеют совсем не такое значение, как показалось мне ранее. И даже более. Влад был необычайно тонкий и ранимый в душе. И тогда уже все его показное величие - как раз было именно показным. И на самом деле он был совсем даже другим. Совсем. Другим...

--...Нет,-- произнес через время Влад.--Понимаете... То что между нами тогда случилось...

Я кивнул.

--...Ведь это не совсем нормально.

--Согласен,-- согласился я.--Согласен. Но...

--Вот в том-то и дело что "но"!

--Но... Понимаешь, Влад,-- я посмотрел на Влада.--

Понимаешь ли ты, что на самом деле большинство из нас (и в массе

своей это так) все так и продолжает жить в своих комплексах да стереотипах.

Влад, внимательно слушавший на меня, кивнул.

--...И несмотря на огромное внутреннее желание их разрушить... (я сделал небольшую паузу. Мне показалось что Влад меня перестал слушать. Я ошибался. И поэтому тот час же продолжил)... нас все время что-то удерживает, чтобы не делать это...

--Вы правда так считаете?--несколько усомнился Влад.

--Да!--убежденно воскликнул я.--В том-то и дело что да! Да, да, и еще раз -- да!--как можно убедительнее сказал я. И я уже решил для себя, чтобы ни было - стоять до последнего на своем мнении. Но оказалось, что этого и не потребовалось. Потому как прошло совсем незначительное время, и Влад уже соглашался со всем, чтобы я ни сказал.

Теперь пришла очередь немного задуматься и мне. Я знал, что сейчас любые мои сомнения - есть ни что иное как неуверенность. Тогда как любая неуверенность - способна разом разрушить все то, что мне с таким трудом удалось завоевать. И уже несмотря на любую мою уверенность - ничто не может... Хотя я вполне мог и ошибаться. Вполне...

.....

На самом деле больше разговор между нами и не состоялся.

Как, быть может, не желал того Влад. И, должно быть, как не хотел того я. Хотя...

Глава 16

Вика Нелюбова, молодая красивая блядь, на самом деле представляла себя совсем даже иной, чем она казалась почти всем мужикам, с которыми когда-то встречалась.

Справедливости ради стоило сказать, что мужчин у Вики было немного. Даже, быть может, совсем и мало.

И наверное для самой Вики было загадкой то, почему она такое впечатление производила на мужчин? Потому что можно было честно сказать, что чуть ли не у каждого из мужчин, в поле зрения которых попадала Вика - тотчас же вставал при виде ее. И уже несмотря на их состояние души на тот момент -- при виде Вики у них действительно появлялась мысль, что было бы неплохо вдуть ей. Выебать ее. Оттрахать по полной программе. Поставить раком - и всадить в нее свой член. Тем более что сам член к тому времени уже стоял как оловянный солдатик. И с этим ничего нельзя было поделаться. Только лишь уединиться, и сдрочить. Хоть как-то выпустить пар. Разгрузиться. Кончить, черт возьми. Ибо хуй стоял уже так, что непременно необходимо было спустить то, что (к тому времени) было накоплено яйцами. Да и сами яйца щемили самым неподходящим образом. И даже если невозможно было выебать Вику, и если вы не могли дрочить (считали по каким-то причинам подобное недопустимым), то вам необходимо было найти хоть кого-нибудь. И уже ебать его. Ну или ее. Ведь кто бы это не был - главное было выебать. Оттрахать по полной программе. Совсем даже не задумываясь о последствиях. Что вас, например, могли заразить триппером. Сифилисом. Или даже... СПИДом. Тогда ведь вы не задумывались об этом. Да и могли ли вы о чем-то думать, когда перед вами маячили 135 сантиметровые груди Вики. И ее огромный клитор.

С которым вы знали, что могли делать все, что вам будет угодно. Ну или удобно. Тем более и пизда и попка Вики - были тоже в вашем полном распоряжении. И вы могли в любое время засунуть в них свой член. А если вдруг по каким-то причинам член еще не будет стоять,-- так Вика своими губами мигом исправит это положение. И он не только встанет, но и вскочит так, что вы сможете испытывать один за другим оргазмы - и все равно он у вас не опустится. Пока перед вами будет Вика. Потому что такой ... Нет. Ведь и действительно больше не существовало такой женщины. Которую в любое время можно было брать и ебать. Совсем даже не волнуясь о ее истинном желании. Потому что вы знали и без этого, что ОНА - согласна на все. И всегда! Всегда! И если немного закрыть глаза на истинное положение дел - можно было вполне честно признаться, что это было так. Именно так. И уже вполне возможно, что это именно так и было. И вы вполне могли не заботиться ни о чем. Тем более что Вике и на самом деле (правда, правда, истинная правда!) нравилось сосать мужской член. Так же как и нравилось, когда этот (этот или другой - совсем не было никакой разницы) член - входил в нее. И "дрючил" ее всяческим образом. Под разными углами, с разной силой, и прочее и прочее. Ей и действительно это нравилось. Нравилось... Ну а почему и нет? Почему так не могло быть? Да и Вика, к тому же, была еще и очень привлекательна. Причем у нее не было какой-то запредельной красоты. У нее была сексуальность! А это, по всей видимости, значило в иных случаях, намного больше, чем какая-то красота... Да и к чему была красота, если вы не могли (не спрашивая даже желания мужчины) - взять и отсосать у него член. Позволить выебать себя в жопу. Раскрыть свою пизду таким образом, чтобы ему (мужчине) уже ничего не осталось - как только оттрахать вас. Причем

продолжать трахать настолько долго, насколько он посчитает нужным. А вы будете лишь понуро лежать (стоять, склониться, и т.п.), и даже не дожидаться, чтобы он поскорее кончил. И просто будете подчинены единому желанию - чтобы мужчина посчитал, что он достаточно удовлетворил вас - и теперь имеет право кончить. При этом, кончая, этот чудак будет тешить себя мыслью, что это тоже делает для вас. И даже когда кончит, он, быть может, и побоится признаться, что ему на самом деле хорошо. И хорошо-то как раз из-за того, что рядом были вы. Что трахал-то он только что вас. Что именно вы - совсем недавно сосали его член. Что это именно вы - всячески подмахивали ему. Раскрывали ему свою плоть, давали в нее проникать, обхватывали его член своим мышцами влагища. Дарили, по сути, ему наслаждение. И ему это нравилось. Можно было вполне признаться, что ему это действительно нравилось. Нравилось настолько, что ему, быть может, даже неудобно признаваться, что это так. Что он готов (ради вас) намное. Если на самом деле и не на все! И вам ведь, согласитесь, нравится такое положение. Нравится когда вас любят. Нравится, когда при виде вас - у мужчин загорается в глазах это самое желание, которое совсем невозможно ни с чем сравнить. Загорается тот огонек, который (и вы понимаете - отчего это так!) загорается-то как раз только из-за вас! Из-за вашего присутствия! Из-за того, что можно постоянно ощущать рядом с собой вас. Ваше желание - к постоянному удовлетворению - его. Его! Мужчины!

Ну а почему бы и нет... Если тем более вы и действительно любите его. Пусть даже вам и кажется, что любите. Хотя бы и действительно - кажется...

Глава 17

Марат Израилевич Веригин иногда чувствовал, что все то, что начинало сейчас происходить с ним, на самом деле ему настолько безразлично, что хотелось, например, просто махнуть на все рукой. Или всадить в себя нож. Ну, или как более мягкий вариант - просто выпить яду.

Он не был никогда счастлив. Это Веригин теперь вполне мог признать. И как-то выходило, что все его безудержные попытки удержать хоть на миг частичку прошлого (в котором он помнил - все было хорошо; а в сравнении с сегодняшним днем - более чем хорошо) - не приводили совершенно ни к чему. И с каждым разом все лишь только казалось еще хуже и хуже. Так, что Марат Израилевич уже не помнил - как было раньше...

Вот ведь в чем дело. Марат Израилевич действительно (произошло это как-то в одночасье) перестал помнить все, что было раньше.

Он вспоминал... Пытался вспомнить...

Но все было на самом деле безрезультатным. Все казалось таким...

...Хотя все еще вполне могло измениться. Веригин отчего-то верил, что все это еще может быть так...

А быть может, совсем и нет. Быть может, это ему все только казалось. Ведь по истине удивительное то состояние - когда вам что-то начинает казаться. Начинает казаться даже то, чего, быть может, с вами никогда не было. И что -- даже не могло произойти. Никогда не могло. И становилось больно, невольно больно...

...И уже казалось, что ничего не изменится. Что все останется совсем по-прежнему.

Но вот все чаще Веригин ловил себя на мысли, что чем больше он обо всем этом думал, тем - на самом деле -ему становилось хуже. Становилось хуже его душе. Этой израненной частичке его тела. Которая, быть может, и жила-то какой-то отдельной, даже потусторонней жизнью. Но которая на самом деле подчиняла себе все. Все о чем только можно было подумать...

Не считал Веригин, что такое плохое состояние в его душе будет продолжаться долго.

Ему как-то еще хотелось верить, что это лишь какое-то (пусть и не совсем объяснимое) временное состояние. И стоит лишь по настоящему захотеть - как все изменится. Изменится настолько, что, быть может, уже никогда и не повторится. Но... Но Веригин все-таки отдавал себе отчет, что скорей всего - все его подобные мысли - лишь плод его воображения. Иной раз - и воспаленного воображения. Когда все начинало невероятно зашкаливать. Быть может даже перехлестывать через край. И чем больше Веригин стремился что-то изменить, вернуть обратно - тем больше он начинал склоняться к мысли о бесперспективности подобного действия.

И как-то неожиданно начинал считать - что уже ничего не изменится. Что все - останется по-прежнему...

.....

На самом деле от всех подобных мыслей Веригину уже давно становилось необычайно плохо.

Самые мрачные мысли начинали заползать в его сознание.

Порой он даже хотел застрелиться.

Но уже как бы то ни было, Марат Израилевич и почти точно так же считал, что несмотря ни на что - его жизнь будет продолжаться.

И даже если бы он очень сильно того захотел - он совсем ничего бы не смог поделать... Ничего...

А значит все и действительно останется по-прежнему...

Часть 2

Глава 1

Ситуация, которая складывалась - вполне могла показаться удручающей.

Но несмотря на множество противоречивых моментов, следствием которых видимо и являлось все то, чему я был свидетелем сейчас,-- такая ситуация мне в какой-то мере нравилась. Не сказать,

конечно, что причиной была моя некая мазохистская ориентированность; хотя и с другой стороны - трудно было бы считать как-то иначе.

В чем же секрет?

А должен ли он, в конце концов, быть? Этот секрет. Ведь наверняка за всем этим скрывалось нечто большее, что - быть может - и могло быть. Хотя...

.....

Наверное не было ничего, что на тот момент меня удручало так,-- как отсутствие какой-то единой выбранной линии поведения. Притом что, несмотря на какое-то - рождаемое во мне - желание, я уже понимал, что ни к чему это на самом деле привести не могло. И это было верно почти точно так же как и то, что внезапно, все существующие во мне способности куда-то исчезли. А мне уже как вроде бы и ничего не оставалось, как только смириться с происходящим. И не пытаться ничего изменить. Потому как все вдруг стало казаться мне ненужным, неправильным, и... преждевременным.

Тем более что осознание правильного пути внезапно исчезло. И я уже не знал... Да, видимо, мало что я понимал в тот момент.

И все же, у меня не исчезала уверенность, что я на самом деле ошибался. А если так, то это быть может как раз и означало - что я ошибался.

А значит -- все еще можно было исправить.

И было бы хорошо, если бы это было действительно так.

По-крайней мере на тот момент мне казалось что это действительно так. И даже более того. Теперь я знал, что чтобы впредь не случилось - я уже не буду так реагировать на это. Хотя нечто подобное мне и до сих пор казалось более чем странным. И несмотря на рождаемые в душе попытки разобраться, -- я уже знал, что на самом деле это ни к чему не приведет. И все останется прежним. А значит, мне необходимо было продолжать жить. Жить так, чтобы в последующем не было желания пытаться что-либо изменить. Ибо, если честно, я и не знал - что я смогу на самом деле изменить...

Глава 2

Веригину очень хотелось осознать, что наступит тот день, когда ему удастся изменить всех людей, которые его окружали. Ведь выходило так, что именно такое желание появилось у него. И оно не только было, но и нарастало с каждым прожитым днем все больше и больше. Пока (в один из дней) Марат Израилевич не понял, что другого пути назад уже как будто бы и нет. И теперь все, что было у него впереди, было чем-то удивительным и быть может даже занимательным.

Но уже тогда, почти точно так же он знал, что он должен как-то попытаться повлиять на тех людей, жить с которыми ему предназначалось судьбой. И несмотря на то, что он понимал, что, по сути, какое-то время он еще будет ошибаться - он также знал, что просто обязан сделать все, чтобы это не казалось ему настолько удручающим, как было сейчас. И тогда...

-- Черт его знает, что будет тогда, -- воскликнул (про себя)

Веригин.

Несмотря на все,-- ощущение какой-то реальности вновь стало ускользать от него. И даже несмотря на осознание реальности попыток хоть что-нибудь изменить,-- он почти точно также понимал, что у него уже ничего и не получится. И если это так,-- то в таком случае будет несколько не необходимым -- желать оставить все как есть. А наоборот, надо стремиться... он просто обязан стремиться. Просто обязан...

Марат Израилевич уже не помнил, кому он последний раз был в чем-то обязан.

И скорей всего, он уже никогда и не вспомнит.

Ведь это походило на (удивительный по сути) фантом разума. Фантом. Нечто такое, чего, быть может, никогда и не будет. Чего просто не может быть. Не может быть чтобы оно было. Что... Нет. Сейчас он вдруг осознал, что и действительно нечего не будет.

Что большей частью это все было настолько иллюзорно и несуществующее, что уже как вроде бы и говорить об этом не было никакого смысла. А следовало просто-напросто отбросить какие-то подозрительные мотивы, существовавшие в его душе. Чтобы (в последующем) попытаться приблизиться к какому-то знаменателю...

--Ну что загрустил? - Илона посмотрела на Веригина даже с каким-то вызовом.

Хотя скорей всего ему так показалось. Марат Израилевич знал за собой такую особенность. Ведь, получалось, что люди, быть может, совсем и по-другому к нему относились. Но вот ему отчего-то все

время виделось исключительно плохое. И сколько он не пытался изменить подобное свое видение,-- у него на самом деле ничего не получалось. Не получалось хоть как-то исправить ситуацию. И даже более того,-- иногда ему казалось, что он уже видит (в отношении окружающих людей) нечто другое. Хотя и уже тут же вполне отдавал себе отчет, что то, что он видел таким образом - на самом деле еще как будто и совсем не то, что было. Что казалось ему. Что...

И в итоге какой-то его взгляд становился еще более искажен, чем был раньше.

Веригин вспомнил, что он не один. Илона действительно смотрела на него. Причем в ее взгляде читался какой-то вызов. Который она, вероятно, бросала ему. И который отчего-то он совсем не мог распознать. И даже более того, ему этого даже не хотелось.

--Марат,-- Илона сделала шаг вперед, все еще продолжая смотреть на него. Веригину показалось, что ее взгляд стал более изучающим. Хотя он вполне мог ошибаться.

--Что? О чем ты хотела бы спросить меня? - Марат Израилевич внезапно признался себе, что он немного опасается этой женщины. Хотя он вполне мог и ошибаться.

--Да нет,-- Илона на миг смутилась. Девушке показалось, что она, быть может, совсем и не вольна что-либо говорить мужчине. Тем более такому мужчине, каким ей всегда казался Веригин. Ведь только в минуты каких-то собственных разочарований она могла считать его совсем уж не нужным ей. Тогда как на самом деле ситуация была почти прямо противоположной. И вся ее (иногда прорывающаяся) холодность по отношению к этому мужчине - была наигранной. Она

даже подозревала это и раньше. Но словно бы боялась признаться в этом. Ну а как еще иначе? Ведь в таком случае, ей пришлось бы и признать, что все ее нападки -- есть ничто иное, как попытка самоутвердиться за счет другого. А поверить в это она бы не смогла ни при каких условиях.

-- Да это просто не могло быть так. Нет,-- Илона покачала головой.

Сколько раз она убеждалась, что стоило ей только подумать о чем-то похожем, и совсем нереально становилось вообще прийти к какому-то согласию. Внутреннему согласию. В то время как Илона уже давно считала себя вполне состоявшейся личностью. И если она решила навязать кому-то собственную точку зрения, то этому как минимум должны были предшествовать вполне серьезные причины. Те причины, наличие которых быть может в слух и не произносится; но то, что они существуют - факт почти не требующий какого-то реального доказательства. И так уж выходило, что в иных случаях Илона просто обязана была верить в истинность. Истинность собственных слов. Истинность - поступков. Истинность даже, быть может, того, что на самом деле никогда не произойдет. Не случится. Потому что... Нет. Илоне отчего-то трудно было сейчас собраться с мыслями. Но так ли уж она должна была собираться с мыслями? Так ли это ей было сейчас необходимо?

Нет. Хотя и если честно - она этого, не знала.

.....

--Почему ты замолчала? - спросил Веригин.

Лицо Илоны на миг передернулось. Как ни странно, она как будто забыла, что рядом с ней находится Веригин. Любила ли она этого человека? Если честно, каждый раз, когда подобный вопрос как будто и подступал к ней, ей удавалось переключаться на что-то другое. Не думать. Постараться ни думать ни о чем... Хотя и это было неправда... И теперь она уже знала, что это было ничто иное, как вполне сознательный уход от реальности. Уход от той реальности, к которой она как будто бы никогда и не стремилась. Опасаясь чего такого, в чем боялась признаться себе. В то же время (быть может даже искренне) веря - что этого попросту не существует.

Не существует так же, как никогда не существовало ее мыслей. Ее каких-то мрачных мыслей. Хотя бывали ли когда-нибудь ее мысли не мрачными? Илона задумалась. Если это было действительно так, и мысли ее несли в себе хорошее и доброе содержание - то...

--Ты думаешь совсем не о том, о чем должна,-- Веригин посмотрел на девушку. Сейчас ему вдруг захотелось как-то обнять ее. Поцеловать. Поцеловать... Веригин задумался. Выходило так, что проявление любви, которое должно быть заметно окружающим и выражаться в форме поцелуев, для него на самом деле всегда было безразлично. Хотя и можно было сказать, что он вообще старался никогда не обращать внимания на то, что скажут о нем окружающие.

Выходило даже так, что он как бы изначально позиционировал себя в некоем другом раскладе. И любые мысли, которые могли родиться в умах большинства, даже не то что ему были неподвластны, а скорее стоило говорить о каком-то безразличии. При этом, разумеется, безразличие это было безразличием совсем другого рода, чем это бы могло показаться. Ну, хотя бы потому, что какой-то анализ Веригин все равно бы проводил; совсем независимо от того,

анализировали ли его окружающие или нет. И уж, конечно же, это просто для Марата Израилевича было не важно. Веригин знал о том, что несмотря ни на что, через время в его голове начнутся (как бы сами собой) разыгрываться какие-то необъяснимые сценарии. Хотя... почему "необъяснимые". Это все как раз было понятно и объяснимо. Объяснимо Марату Израилевичу Веригину. Который, можно сказать, знал о себе все. Ну или, почти все.

И как раз "все" это заключалось в одной сплошной психопатии. Которая развита была в нем в невероятной степени. И если что и спасало его, так это лишь то, что не проявлялось оно постоянно. Словно бы оставляя Марату Израилевичу время на передышку. Чтобы потом, быть может, обхватить его мозг с новой силой. С силой разраставшегося в нем безумия. Сдавлив мозжечок таким образом, чтобы брызнул он соком-кровью; и впившись в извилины, высушить их поцелуями.

...Так почему-то думал сейчас Веригин. Он знал за собой подобное. Иногда совсем тошно становилось ему от таких мыслей. Никуда нельзя было сбежать от них. Хотелось рыдать и плакать. Хотелось выбежать ночью, задрать мордочку, и скулить на луну. Или на звезды. Или просто скулить. Причем совсем не обязательно, чтобы кто-то обратил на него внимания. Быть может даже наоборот - он боялся этого внимания. Каждый раз, когда с ним происходило подобное, Веригину хотелось почти только одного: чтобы его оставили в покое. Чтобы никто не обращал на него внимания. Чтобы остаться одному... Одному...

Веригину показалось, что сейчас это словно имеет какой-то особенный смысл. Такого, быть может, не случалось раньше. А если что-то похожее и происходило, то оно все равно (и наверняка) было

совсем иным. Таким, что он бы и не распознал сразу. А даже наоборот, увидел в этом проявление чего-то совсем иного. Что, наверняка, ему было и неизвестно. И что (уже с другой стороны) могло привести бы к каким-то не очень хорошим последствиям. Которые могли бы начаться совсем неожиданно. И в этом (в том, что такое становилось возможно) угадывалось какое-то неизвестное предназначение. Его предназначение. Хотя Веригин и не настолько был склонен отождествлять себя с великими мира сего, чтобы задумываться о том, что он имел к ним хоть какое-то отношение.

--А ведь я тебя люблю,-- Илона посмотрела на Веригина, и ему показалось в глазах девушки таится скрытая угроза. Ему даже стало немного страшно. И он быть может задумался бы, что ему и вообще не нужна эта любовь, но Илона уже подошла к нему; и положила свою ладошку на его ширинку.

Марат Израилевич тотчас же почувствовал, как его член начинает расти в размерах. И совсем скоро его будет не удержать. И потребуется самое что ни на что оперативное вмешательство.

Но Илона предвосхитила события. И не успели мысли Веригина набрать какой-то (свойственный им) разгон, как губы девушки уже обхватили головку его мужского достоинства.

--Ну что же ты так сразу,-- пробовал было смутиться Марат Израилевич, но девушка с таким остервенением принялась сосать, что Веригу уже совсем ничего и не оставалось, как откинуться в кресле, обхватить голову руками, и наслаждаться моментом.

Сосала Илона и на самом деле исключительно. Создавалось впечатление, что ей в этой жизни больше ничего было и не надо. Только бы сосать...

И быть может она действительно ни о чем другом не думала. Да и разве так уж необходимо было ей о чем-то думать? Зачем? К чему? Ведь жизнь быть может и хороша как раз такими мгновениями. Когда вы понимаете, что кому-то нужны. Что кому-то необходимы ваши манипуляции. Что от них и у них - улучшается жизнь. Становится светлее на душе. А сама жизнь - уже совсем и не кажется такой мрачной, как, быть может, она казалась доселе.

И до того как вы поймете, что это, собственно, и не так; что самой жизни, быть может, и наплевать на то, хорошо или плохо какому-то из ваших членов - вы испытаете поистине счастливые минуты. Минуты радости. Минуты поистине одни из самых лучших в вашей жизни. А также в жизни того, кто дарит вам такое наслаждение.

И тогда уже мне хотелось воскликнуть, что я в какой-то степени был солидарен с Веригиным в том чувстве упоительной радости, которое испытывал он в тот момент. Ибо вполне могу признаться, что нечто похожее испытывал и я. И в то время, когда Марат Израилевич загибался от счастья,-- я лежал в обнимку с его супругой. Ну, конечно же, не с ней. А лишь с той, которая была похожа на нее. Удивительно похожа. Похожа настолько, что мне иногда хотелось назвать ее именем Илоны. И я, быть может, иногда и называл ее этим именем. Именем этой чудесной девушки. Но уже могу сказать, что моя девушка нисколько и не опечаливалась. А даже с еще большим воодушевлением принималась за работу. И могу признаться, что мне это тоже очень нравилось. Нравилось настолько, что я невольно подгонял ее. Невольно умоляя -- не останавливаться. И могу предположить, что какие-то остановки наверняка есть нечто такое, что вносит необычайный душевный сумбур в ваши мысли, эмоции, желания. Тогда как если все проходит без заминки - то только

еще больше нравится. Нравится как и вам, так и вашей партнерше (ну или партнеру). И уже позже вы можете признать, что это - быть может - одни из лучших моментов в вашей жизни. В то время как сама жизнь течет своей размеренной пеленой. И вы ее совсем не замечаете. Отмечая про себя лишь прошедшие годы. Тогда как сами годы нисколько и не беспокоят вас. Даря необычайное наслаждение радости, веселья, и какого-то необъяснимого душевного комфорта.

Так думал я. Так или иначе, мне казалось, рассуждал Веригин. Наверняка какие-то похожие были мысли и у Илоны, и у Вики, и у Марины Геннадиевны; да и вообще, должно быть, у многих из моих невольных знакомых на тот момент. Большинство из которых стремились познакомиться со мной самостоятельно; некоторых из них - я сподвигал к тому. Но уже было верно, что мысли всех людей (если они, эти самые люди, более-менее нормальные, разумеется) в ситуации, в которой находились сейчас Илона и Марат Израилевич были, в общем-то, схожи. Ведь их переполняло ощущение счастья. Какое-то предвидение того, что вскоре должно было произойти. И было бы совсем нехорошо, если бы этому что-то помешало.

.....

Веригин не очень любил какие-то сомнения.

Они казались ему преждевременными и совсем не нужными. Вернее сказать, Веригин знал одно правило: если только дать волю каким-то сомнениям поселиться в душе - то это почти означало, что можно потерять какую-то свою индивидуальность. И если после этого и будет возможно самостоятельно мыслить, то мысли ваши вполне могут показаться не очень интересными; а то и грустными. А значит...

а значит следовало как минимум остановиться. Подумать. И быть может предпринять какой-то решительный шаг против того, чтобы чего-то такого впредь не происходило. Хотя... Хотя я не думал, что это на самом деле было так. Нет, это совсем не значило, что вы ошибались. Быть может даже в какой-то момент, именно подобный взгляд возымел бы свое воздействие. Но... Так было не всегда. Наверняка ведь не всегда. И как ни странно, именно Влад (не очень-то, кстати, нравился этот черноволосый парень Веригину) заметил о том Марату Израилевичу.

Глава 3

Так получилось, что Влад был любовником Илоны Дапкунайте.

Должно быть, здесь уже следовало сделать какое-то отступление; и признать, что этот парень вообще был достаточно любвеобилен. Но уже с другой стороны было бы достаточно невежливо по отношению к нему не учесть тот момент, что женщины, которые (самым, что ни на есть, невольным) образом встречались на пути этого молодого человека - были не меньше любвеобильны, чем он. А некоторые из них даже очень любвеобильны. И кто-то из них - совсем не мыслил себя без секса. Прямо таки обожая его. И наслаждаясь в разных проявлениях и сексуальных вариациях. Претворяя на яву порой самые разнузданные фантазии. И совсем не считаясь с желанием партнера. словно бы предусматривая, что те согласны на все.

Можно было бы, конечно, назвать все это похотью.

Но если честно, мне не очень бы хотелось говорить так. Хотя бы потому, что подобное выражение в отношении их несколько неуместно. Да и способствовало появлению не очень правильного мнения о них. "Выдергивая" за собой, иной раз, и совсем какой-то немислимый по порочности ассоциативный ряд.

.....

Так ли это было на самом деле?

Ну, а почему и нет? Ведь вполне возможно, что уже именно так все и было. И тогда уже, сколько бы мы не пытались хоть как-то снизить значение данного факта, ничего на самом деле не изменится. А об этом вопросе следовало говорить как раз именно с подобных позиций.

.....

Влад любил женщин. Можно даже признать, что он необычайно любил их. И сколько бы кто-то не говорил о том, что ничего страшного и не произойдет от такой любви (словно бы уже оправдывая ее), кто-то другой быть может считал как-то иначе. Хотя вряд ли было бы уместно хоть как-то ограничивать сексуальные позывы этого молодого человека. Тем более что он (своим сексуальным безумством) нес и вполне позитивную функцию. Которая словно бы и не угадывалась изначально. Но на самом деле была. А почему бы и нет? Ведь деятельность Влада уже так или иначе вызывала у некоторых женщин взрывы самых положительных эмоций. И можно было признать, что если бы не он - нечто подобное

все равно бы эти женщины испытали. Только вместо Влада - был какой-нибудь другой мужчина. Вот, собственно, и все. А если так - то почему бы не согласиться с утверждением Влада о его некой исключительной миссии. И в том что делал он (справедливее было бы сказать - что он вытворял со всеми этими дамочками) заключалась, быть может, и сама суть жизни. Той жизни, от которой кое-кто хотел куда-нибудь сбежать. Но без которой наверняка мало что и возможно. И что уже наверняка - вполне можно говорить о развитии ряда комплексов. Вызванных нереализованным либидо...

Глава 4

Георгий Михайлович Перечнев мучился от своей жизни.

Хотя, конечно, уместней было бы говорить, что мучился он не от самой жизни. Точнее, не от наличия ее. И будучи достаточно образованным человеком (в свое время Перечнев закончил филфак Красноярского университета), Георгий Михайлович никак не мог понять, почему же он чувствовал себя лишним в этой жизни. Ибо, какие бы поступки он не совершал - каким-то удивительным образом они оказывались совсем даже и не нужными. Ни на что не направленными. Ну, то есть,-- не несли никакой позитивной нагрузки. И были даже, быть может, - и не нужны ему. Становились лишними в его жизни. И если бы только предположить...

Сколько раз Перечнев мечтал о том, что его жизнь станет кому-то нужна.

Сколько раз он верил, что от того, что он что-то совершал - хоть что-нибудь в этой жизни изменится. А сама жизнь станет важной и необходимой. Необходимой хоть кому-нибудь...

Так уж выходило, что это были лишь мечты.

Самые что ни на есть мечты. Без какого-то реального воплощения в действительность.

И уже, конечно же, ничего хорошего в его жизни не было. Так казалось ему. Он, быть может, был даже уверен в этом. И уже можно предположить, что пусть Перечнев (иногда... почему бы иногда не предположить это) и собирался бы рассуждать о чем-нибудь обратном - ни к каким более-менее позитивным результатам он бы все равно не пришел. Тогда как любые выводы - наверняка бы показались (уже изначально) ошибочными.

.....

Странная была жизнь у Георгия Михайловича. И такой же до нелепости странной она казалась ему. Ибо не видел он в этой жизни просвета. Не ожидал, что хоть что-нибудь (хоть когда-нибудь!) изменится. И это вероятно была настоящая трагедия этого человека. Хотя вряд ли он в полной мере считал так. Ибо всякий раз (стоило ему подумать о чем-то похожем) в душе его рождалось настоящее вдохновение. И Георгий Михайлович искренне верил - что обязательно что-нибудь изменится. Что быть может когда-нибудь (ну а почему бы и нет?) наступит тот миг, когда совсем не придется так-то уж мрачно рассуждать (рассуждения, заметим, всегда носили некий астральный характер) о действительности. И быть может тогда уже -

что-нибудь светлое, чистое и доброе непременно произойдет. И он сможет (впервые!) порадоваться этому прекрасному мгновению. Тогда как само мгновение - уже наверняка растянется на вечность. На целую вечность...

Перечнев задумался. Несмотря на то, что так (или почти так) ему никогда не казалось - он тем не менее считал, что его жизнь состоит как раз из подобных ситуаций. А если что-нибудь и возможно было изменить, то наверняка следовало отталкиваться как раз именно от подобных фактов его биографии. И совсем необязательно было даже чем-то дополнять ее.

Глава 5

Так получалось, что я все чаще чувствовал, что мое сознание и подсознание не только начинают жить какой-то своей, отличной друг от друга жизнью, но уже как будто и живут ей.

Мне конечно было известно, что подобный эффект известен в психологии под названием: деперсонализация. И уже здесь должно быть мог наблюдаться достаточно значимый для всего дальнейшего понимания моей жизни момент. Ибо получалось так, что многие жизненные ситуации как бы не только прокручивались (напоминая пленку киноленты, которую вдруг кто-то поставил на "перемотку"); но и получалось так, что ничто уже как вроде бы и не в силах было остановить. Остановить уходящий (или вернее, уже стоило говорить: проходящий) момент.

Что же это было? Как стоило мне понимать данную ситуацию? Скорей всего это становилось возможным в результате возникновения

некоторых моментов, которые каким-то образом прямо-таки требовали того, чтобы уделить им хоть какое-то внимание.

Ну, начать вероятней следовало с предположения о том, что некоторые события повторяются.

Становится это возможно вследствие того, что любое событие, которое запечатлевается нашими органами зрения и слуха - самым удивительным видом откладывается в наше подсознание. Это, по всей видимости, было так. Хотя я иной раз и задумывался над тем, что ко мне это сейчас не может иметь такого уж отношения. Просто потому, что я вдруг начинал видеть себя со стороны. Словно бы какие-то собственные поступки совершал не только я. Ну, или, предположим, не я - конкретный.

И тогда уже вполне возможно было запутаться во всем этом. Вполне можно было. Притом что я точно так же знал, что мне никто не придет на помощь. Просто из-за того, что мало кто бы понял, что на самом деле со мной происходит. И даже несколько и не из-за того, что мне бы просто не поверили (решив я попытаться рассказать кому-то о собственных ощущениях). И по всей видимости вид у меня был настолько дурацкий, что похожее ощущение я испытывал и в душе. Причем на месте кого-то - наверняка и сам бы не поверил. Да и поверить что я говорил о чем-то реальным должно быть было и действительно невозможно. Ну или неправильно.

О чем мне следовало сказать еще? Ну быть может о том, что подобные события моей жизни мне конечно же не нравились. Совсем не нравились. Не нравились уже настолько, что я всяческим незамысловатым образом стремился от них избавиться. При этом понимая, что это на самом деле невозможно. Да, да. Ведь наверняка

это было совсем невозможно. И я даже понимал, что это так. Но все равно продолжал стремиться совершить нечто, что, по моему мнению, способно было привести хоть к какому-то исцелению.

Видимо, и на самом деле что-либо изменить было невозможно. По крайней мере, мне совсем скоро показалось, что это так. И уже тогда - чтобы я не предпринимал,-- все было тщетно и безрезультатно. Бесплезно, можно сказать. Несмотря даже на то, что в иных случаях я почти и видел, что выход из сложившейся ситуации возможен. И он даже казался мне настолько близким, что как будто совсем не нужно было расстраиваться. И ни чем таком не задумываться. Зачем? Ведь когда-нибудь все равно что-то изменится. А раз так - то как вроде бы и пережевать - было чем-то излишним и даже глупым. Более чем глупым. Так то вот...

.....

Для меня оказалось удивительным то, что в каких-то подобных ситуациях оказывался Веригин. Но если это было так на самом деле, то - уже думал я - почему же это казалось для меня чем-то странным? Ведь внутреннее состояние Веригина действительно было схоже с моим. И как бы я того не хотел - это было действительно так. Мы были похожи. Необычайно похожи. Несмотря даже на то, что между нами наблюдалось весьма заметное (хотя, на самом деле, насколько это было заметно?) внешнее различие. И самое главное - я на самом деле никогда не был таким сексуальным извращенцем как мой брат. Да, да. Марат Израилевич Веригин был одним из моих братьев. Так же как Илона Дапкунайте - была нашей сестрой. Все мы были, конечно,

сводными братьями и сестрами. У нас были разные матери и отцы. Но тогда уже я могу заметить, что в нашей жизни все было так напутано, что иной раз даже я не смог бы с долей вероятности сказать -- кто был нашим родственником. Ибо к моим семи братьям и пяти сестрам - вполне вероятно следовало приплюсовать почти столько же (за небольшим все же исключением), которые оказывались у Веригина. И должно быть - чуть меньше - у Илоны. Илоны Дапкунайте. Моей сводной сестры. С которой в разное время спал и я и Веригин. Причем совсем не считали эту связь уж настолько инцестуальной; ну хоть бы потому что в тот период времени мы еще и не знали, что она является нашей сестрой (как и мы с Веригиным не знали что мы братья). Хотя и когда узнали - это ничего не изменило. И даже быть может еще больше усилило нашу потенцию. Ибо одна только мысль о том, что мы можем трахать свою сестру -заводила нас самым удивительным образом. И чтобы окончательно не дать совершать нам подобное (причем сосала Илона по-прежнему более чем превосходно) - нам бы следовало отрубить наши головы. Ну или головки наших членов. И в иные моменты мы даже и сами желали этого. Потому что пускались порой в такой разврат, что остановить его было и вовсе невозможно. И тогда мы трахали всех, кто, по нашему мнению, выказывал к этому какое-то особенное стремление.

.....

На самом деле Влад, должно быть, и не был такой уж странной личностью.

Что до меня, то мне иногда совсем не нравился этот человек. Причем, случалось, не нравился настолько, что у нас возникала

настоящая антипатия. Которую каждый из нас стремился скрыть от другого. Притом что уже на следующий день каждому из нас становилось стыдно от одного только предположения, что подобное когда-то было возможно.

Удивительно, а ведь и на самом деле это все было более чем удивительно. И сколько я не пытался нащупать какую-то свою истину во взаимоотношениях с Владом,-- всякий раз замечал, что это только еще больше уводит меня в сторону. И я не признавался себе, что на самом деле ничего не понимаю.

И ведь самое любопытное, что подобное бывало и в моих отношениях с Илоной. Эту сильную (сильную и в то же время до беззащитности хрупкую) женщину я, случалось, любил до беспамятыства. И при этом спроси меня - ни за что бы и не смог более-менее честно сформулировать ответ на вопрос: за что же я ее так люблю?

А ведь ее любить можно было за многое. Очень за многое. Одна только внешность чего стоила. При виде Илоны Дапкунайте мало кто из мужиков мог устоять, чтобы не поймать себя на мысли, что с удовольствием бы трахнул ее.

А только от осознания того, что она подержит в руках ваши яйца - уже можно было честно кончить. Не говоря уже о том, что многие и кончали; стоило только Илоненным губам прикоснуться к их пенису.

И наверное уж совсем мало кто смог выдержать то, когда Илона принималась сосать по настоящему. Ибо она сосала и действительно более чем замечательно. И я могу писать об этом столь долго, сколь часто я вспоминаю об этом. А иногда мне и вспоминать не приходится. Достаточно только представить как это у нее с кем-то

происходит (неважно с кем). И я тот час же замечаю, как у меня встает. И приходится озираться в поисках той, кто бы сделал мне то же самое, что наверняка бы Илона (окажись она рядом) с удовольствием бы сделала и сама.

К счастью, поблизости от меня всегда находилась женщины, которые считали занятия с вами любовью чем-то необходимым в том числе и для себя. А то быть может и для себя в первую очередь.

И самое главное. Это не вы просили их о том,-- а именно они всяческими своими действиями намекали вам, что мол, давайте начнем. И совсем не надо останавливаться. И совсем не надо думать еще о чем-то, кроме как о сексе. Потому что занятия любовью - для них было нечто важным и обязательным в их жизни. Чем-то таким, без чего они уже не могли. Когда-то раз попробовав. И считали что это необходимо не только им. А значит можно было заниматься подобным везде, всегда, и с любым желающим.

Так считали они. Так считал я. Так считал Веригин. Схожие мысли наблюдались у Илоны. Подобной точки зрения придерживались многие и многие наши знакомые, приятели, товарищи и друзья.

Глава 6

По идее, у меня вообще не должно было быть сомнений по поводу того, как мне поступать. Ну, например, я бы мог еще выждать какое-то время, чтобы потом попросту на все махнуть рукой; признавшись себе, что, мол, толком у меня ничего не получилось; и (заодно) попытавшись начать жить как бы заново.

Но в том то и дело, что сделать так я бы никогда не смог. Хотя бы потому, что это могло оказаться не совсем честным. Не совсем

честным уже для меня. Ибо выходило так, что многое из того, что я раньше считал как бы оправданным и необходимым (ну или скажем - вполне допустимым),-- теперь представало в каком-то нелепом, а то и грустном свете. Без надежды на то, что все это со временем удастся хоть как-то исправить. Ибо, уже получается, в исправлении этой ситуации был никто не заинтересован. В том числе и я. И подобное меня удручало. Или, опять же, - могло бы удручать, если бы жизнь не проходила рядом со мной. Где-то поблизости от меня. И не виделось мне в том измерении, возможность существования которого было для меня необъяснимо.

Так это было...

Случалось, правда, все во мне восставало. И тогда я начинал предпринимать какие-то новые попытки. С целью попытаться хоть как-то выправить ту ситуацию, в которую меня уносила судьба. И уже все это, конечно же, было удивительным и загадочным для меня. Казалось таким. Несмотря на то, что я на самом деле стремился совсем к другому. Мог бы - стремиться. Мог. Но по каким-то причинам - был не способен.

.....

Вот же в чем, наверное, затаилась какая-то -- неподвластная пока моему пониманию -- загадка.

Хотя и еще более занимательно было то, что я все еще не мог ее должным образом сформулировать. Словно все время передо мной возникали какие-то препятствия. Направленные на то, чтобы у меня ничего не получилось. Не получилось сделать задуманное. Чтобы ничего не вышло...

И при этом я осознаю (к черту это осознание! - хочется иной раз вскричать), что все, что происходит вокруг меня - на самом деле все не так. Даже не "не совсем так" -- а именно не так. Ибо получается, что становится все неподвластно пониманию мной окружающей действительности. Которая словно бы хохочет в лицо; искривляясь адской усмешкой. Пытая меня в стремлении разобраться. И тут же отдаляясь, скатываясь в пропасть и словно умоляя - не дать исчезнуть до конца. Словно намекая, что в любой момент что-то может измениться. И уже в предвкушении этого чего-то нового - я бегу, бегу, бегу. По ходу радуясь такой вот удаче...

И ведь действительно я сейчас самый счастливый человек. Потому-то как-то в одночасье обнаружилось, что мне ничего не нужно. Что то, что у меня есть - этого как будто вполне и хватает. Хотя если попытаться осмыслить то что происходит - у меня ведь и не получится понять, что же на самом деле происходит...

.....

Мне кажется, что я сошел с ума...

Да я просто и не могу предположить что-то другое. Все вокруг суетится в танце хаотичных передвижений. Как будто и не задумываясь над объяснением смысла того, что происходит. А любые мои попытки разобраться в этом - вскоре начинают приводить и вовсе к черт знает чему.

Но я не отчаивался. По сути, понимая, что на самом деле ничего и не произойдет оттого - буду ли я отчаиваться или нет.

И мир настолько суматошен, что ему как будто и совсем наплевать - обнаружит ли он еще в своем существовании и меня. Нет. Конечно же, не обнаружит. Я даже могу предположить, что все наверняка будет так. Что независимо от моих каких-то действий - ничего не изменится. Совсем ничего. А то даже и наоборот - через время мне покажется, что все так и должно быть. Вот ведь как.

...Но если когда я вдруг попытаюсь... К чему все эти попытки? Ведь в те проблески сознания, которые нет-нет да и все же случаются - я понимаю что ничего не изменяется. Не изменяется в лучшую сторону. Что на самом деле, если что и происходит - то я этого просто не замечаю. А все остается на прежнем месте. Лишь мне кажется что-то другое. Иное. Совсем быть может и необъяснимое...

Глава 7

Веригин просыпался. Но он как вроде бы и не совсем хотел проснуться. То что ему сейчас делала Илона... Девушка устроилась перед его кроватью, жадно всасывая в себя его пенис.

Пенис давно уже принял нужные размеры. И сейчас вздымался, словно парус среди волн, одиноко бегущих по волнам удовольствия. А губы Илоны Дапкунайте обсасывали его, то скользя по мачте, то вздымаясь навстречу чему-то совсем неизведанному. И Веригин боялся признаться себе, что это ему нравится.

Боялся признаться, словно бы от этого что-то могло исчезнуть. И даже понимал он, что так не должно случится. Ведь если Илона взялась за работу, то уже ничто ее не может остановить. И будет она сосать, невзирая ни на что. Лишь только в самый последний момент, предчувствуя начало семяизвержения, остановится. Отдаляя миг

наступления конца. Чтобы - через секунду - другую передышки - вновь приняться за работу.

Веригин извивался на кровати. Словно бы для надежности женщина завязала ему глаза. Связала руки (привязав их к изголовью кровати). И теперь если он вдруг и захотел бы прекратить - ничего бы у него не получилось. Ничего. Да он, если признаться, и не хотел, чтобы она останавливалась. Ему нравилась эта его беспомощность. Нравилось ощущать себя насильственным. Нравилось выполнять нехитрые приказания Илоны. И ему даже совсем было безразлично, кто сейчас ему что-то приказывал. Илона это была или нет. Самое для него интересное - было ощущение беспомощности. Мнимой беспомощности на самом деле. Ибо, конечно же, в любой момент он способен был все прекратить. Или ему казалось -- что мог. А на самом деле... Да какая разница, что было на самом деле.

Девушка слегка изменила свою позу. Теперь ее таз оказался возле ее лица. Еще мгновение, и она водрузится своей пиздой на его лицо. Прижавшись к его губам - своими.

Веригин не растерялся. Его язык проник в самые глубины естества девушки. Заставив теперь извиваться ее. Умолять... Она уже как вроде бы ни о чем и не умоляла. Она просто сжала губы, словно бы это было сродни какой-то пытки. Хотя на самом деле никакой пыткой это и не было. Ведь это было счастьем. Самым настоящим счастьем.

Веригин всасывал в себя клитор. Он то обводил языком вокруг него, то, обхватив губами, - всасывал в себя. Потом выпускал, показывая мнимое безразличие. Чтобы потом вновь приняться за работу.

.....

Илоне нравилось то, что делал мужчина. Страсть к оральному сексу проснулась в ней слишком рано. Тогда, когда она еще училась в школе. И летом оказавшись в пионерском лагере, задремала на одной из лавочек (которых было более чем достаточно среди деревянных домиков и возвышающихся над ними деревьев), через время ощутив между своих ног разливавшуюся истому страсти. Просыпаться ей не хотелось. Она боялась открывать глаза. Словно бы это был сон. А любой сон мог исчезнуть, стоило вам... проснуться.

Она так и не узнала, кто это тогда был. Да и если бы она все же захотела взглянуть на незнакомца, у нее все равно бы ничего не вышло. Потому что лицо его было скрыто между ее ног. А тело ее было отклонено назад. Изгибаясь в подступающем оргазме. Который вскоре и произошел. А когда девушка окончательно оправилась после него - рядом уже никого не было.

Несколько дней она краснела при взгляде на нее любого мужчины. А потом как будто оправилась. И даже сама стала искать незнакомца. Но уже подошел конец смены. А когда все разъехались, Илона упросила мать оставить ее на второй поток. И уже сознательно предложила заняться любовью водителю. Молодому белокрысому парню. Который и стал тогда ее первым мужчиной. Первым, кто проник своим членом между ее ног. Но не тем первым, язык которого уже оказывался внутри нее. И совсем не тем первым, который стал таковым еще через несколько лет. Когда повертев тело девушки в разные стороны, насаживая его на свой член -- наконец положил Илону на живот, и раздвинув ягодицы - вошел сзади.

.....

Она боялась признаться, что это ей понравилось... И нравилось сейчас. Ведь по какому-то стечению обстоятельств, Веригин словно бы проник в ее воспоминания. И уже не в силах сдерживаться, Илона закричала.

--Все... все в порядке?-- несколько испуганно спросил Марат Израилевич. Он было подумал, что может и не надо спрашивать. Что может ему просто показаться, что что-то не так. Но и не спросить он не мог. И уже видимо осознав свою ошибку - он закричал вместе с ней. Закричал во всю силу своих легких. И этот крик, подкрепленный силой двух голосов, слился в обоюдный оргазм. Когда уже и действительно совсем не нужно было сдерживаться. А хотелось вдруг подняться в стратосферу земли. И уже оттуда наблюдать за действиями двух влюбленных; раскинувшихся на огромной кровати. На мужчину и женщину, переживавших сейчас самое великое чувство, которое только способны испытывать люди. И они кричали, и плакали, и вели себя так, как, быть может, и не всегда могли позволить себя вести. И не было им ни капли стыдно. Потому то стыд это было что-то совсем как вроде бы и неуместное. То,-- о чем они забывали, находясь вместе. Забывали...

Глава 8

Насколько, конечно, это может показаться странным, но мне иной раз кажется, что никого из тех, с кем я тогда общался,-- на самом деле не было.

И тогда уже мои воспоминания есть ни что иное, как бестелесная дымка. Которая растаивала всякий раз, стоило только образам из прошлого начать превращаться во что-то более-менее осознаваемое.

Быть может, из-за чего-то похожего я переживал.

Да и наверняка переживал. Могу сказать только, что любые мои попытки как-то прекратить мои воспоминания -- приводили, порой, уже к совсем нежелательным последствиям. А быть я ошибался. И на самом деле ничего подобного не было. Не было такого, после чего можно было переживать так, как это делал я.

.....

Мне вдруг стал являться Павел Лурье.

Могло это показаться удивительным еще и потому, что, по сути, я и образ его мог представить с доброй долей вероятной ошибки. Но вот несмотря на это -- разговоры мы с ним вели порой очень даже занимательные. Так что если и захотелось бы вдруг отказаться от них - то уж точно бы ничего не вышло. По-крайней мере у меня.

Да я и не пытался...

.....

На кого был похож Лурье?.. Это был весьма странный тип. С огромной лобовой костью настоящего мыслителя. И при этом он мне

всегда почему-то казался невероятно глупым. Хотя вполне возможно, что и не был таковым в действительности.

Лурье был историком. Работал в музее. И помимо рабочих дней,- проводил там и вообще все свободное время. Нисколько не считаясь с тем, что у человека - помимо работы - еще должны быть какие-то интересы.

Что касается интересов, так их-то как раз у Лурье было предостаточно. Но несмотря на кажущийся переизбыток их, он ни одно свое занятие не доводил до конца. И при этом - нисколько не переживая из-за этого. И при всем при том, со временем у меня появились все основания считать фигуру Льва Лурье призрачной; не существующей... совсем не существующей в реальности.

Насколько я мог быть прав? Ведь можно считать фактом (свершившимся фактом), что у нас было несколько встреч. И в течении какого-то времени мы успели даже привыкнуть друг к другу. А то и даже настолько привыкнуть, что (уже смею я это предположить) и не хотелось расставаться.

...Совсем не хотелось...

Хотя я вполне мог и ошибаться. Ведь говорил же я, что Павел Лурье так и остался для меня загадкой. Можно даже сказать - непостижимой тайной. И сколько я не пытался приблизиться в разгадывании его,-- ничего у меня и не получалось.

.....

Я бы мог совсем не упоминать этого человека, если бы вдруг не заметил, что при совершении каких-то поступков, волей-неволей всякий раз пытаюсь представить: чтобы сказал он об этом?

Странно, конечно... Тем более странно в отношении того, которого как будто и нет...

Или он все-таки есть?.. И есть настолько, что вместо него мне совсем никого и невозможно представить... Вот ведь как выходит...

.....

Ситуация почти парадоксальная... Веригин начал вдруг представлять себя другим человеком... Совсем другим... И не то, что он стал представлять себя в образе другого. Нет. Все выходило именно так, что вместо него - был даже совсем не он. А кто-то другой. Человек, которого в реальности, быть может, никогда и не существовало. Но который наверняка был. Был...

.....

Марату Израилевичу это могло показаться странным еще и оттого, что он вдруг совсем перестал ощущать половое влечение. Как будто ему было все равно в отношении многочисленных женщин, которых вокруг него стало появляться все больше и больше. И которых он уже совсем не раздевал взглядом. Которые уже не занимались с ним любовью в той виртуальной реальности, в которой он жил в последнее время.

Странно... Почему так выходило?.. Почему же все-таки выходило так, что это все происходило? Ведь не могло же так

случиться, что у него совсем исчезло либидо. Что ему вдруг расхотелось всаживать свой член в их вагину, рот, попку... Расхотелось мять их груди. Отмечая про себя, как заводятся они в истоме страсти. Словно бы умоляя - не останавливаться. И по настоящему (без каких-то прелюдий) отъебать их.

.....

Веригин ничего не мог понять.
Он как будто сразу стал жить в совсем другой реальности.
В реальности, которой словно бы и вовсе не существовало.
И в то же время он сейчас только и жил...

Он жил только сейчас. Все что с ним происходило раньше, этого как будто и действительно не было. И тогда уже можно было говорить о том, что его жизнь внезапно совсем потеряла для него какую-то значимость. И его уже совсем не волновало то, что с ним будет происходить дальше. Словно бы жизни этой у него уже не было. Не могло быть. Но и в то же - внутри него разрастался какой-то призыв о помощи. И ему даже казалось, что окончательно ничего страшного и не случится. Что словно бы в последний момент кто-то его сможет спасти. Остановит. Вытащит из начинавшегося (он уже подозревал, что это именно так) безумия. И если таковое действительно произойдет, то чего же ему тогда действительно волноваться? За что, как говориться, переживать?.. И переживать и расстраиваться - уже получается - не за что...

.....

Я начинал отдавать себе отчет, что та манящая реальность, которой я был так ненавязчиво окутан раньше, стала ускользать. И уже несмотря на мои какие-то попытки, мне не удавалось ощутить ничего, что так радовало когда-то.

Что это было? Но очень хочется мне вновь говорить о какой-то загадке. Тем более что ничего не может быть более загадочнее того, что было в реальности. Тем более что до того момента, как я совсем потерял ощущение реальности, должно было еще пройти какое-то время. Совсем быть может незначительное время. Но так уж выходило, что оно было у меня что-то вроде форы. Той форы, которая, быть может, и есть-то не у каждого. А вот у меня была. Причем могу сказать, что я ее почти не ощущал в тот момент. Так же как и не знал, хорошо ли это, что она есть у меня?..

.....

Веригин вдруг перестал верить всем. Но почти точно также он перестал верить и себе. Но что касается себя, так себя он стал и вовсе ненавидеть. Словно бы за то, что у него было нечто, что он как будто бы мог предотвратить. Предотвратить когда-то. Раньше. Тогда, когда...

Когда это было - Веригин не помнил.

Многое он перестал помнить. И это тоже могло показаться удивительным. Потому что было время, когда Марат Израилевич почти сознательно все пытался забыть.

И вот теперь получалось так, что у него вдруг разом исчезла способность воспоминаний. И прошлое уже не манило, как то было

раньше. И даже оно вообще было без каких-то красок. Совсем без каких-то. Да и какие они могли быть? Если Веригин и на самом деле ничего не помнил. Ничего...

.....

В чем-то мне хотелось, конечно, остановить мгновение.

Зачем это было нужно, и что это было за мгновение - я не знал.

Но я знал почти наверняка, что пройдет еще какое-то время, и случится то, что у меня совсем уже не будет печали по поводу моего какого-то прошлого.

А я, быть может, и совсем забуду его. Забуду настолько, что мне уже не захочется, чтобы оно повторялось. Не захочется вновь испытывать какие-то чувства, которые возникали у меня всякий раз, стоило моим воспоминаниям заполнить мое же сознание. И когда все это возникало в действительности... Когда оно возникало в действительности? Было ли на самом деле это?

Ведь скорей всего, что ничего подобного никогда и не было.

Ничего.

Хотя...

Глава 9

Из всего того, о чем поведал я раньше, ничего не было.

Но считать так было настоящей ошибкой. Хотя бы потому, что это все же была моя жизнь. Жизнь, которую, быть может, я и не особо хотел вспоминать. Но и воспоминания о которой доставляли мне самое настоящее удовольствие. Хотя бы потому, что это была действительно моя жизнь. Жизнь, которой у меня уже никогда не будет. Жизнь, во время которой как раз и началось то расслоение сознания (шизофрения; деперсонализация), во время которой я пребывал сейчас. И, пожалуй, уже это - было самое печальное, что вообще могло произойти. Страшное, по сути, состояние. От которого совсем невозможно было избавиться. Избежать его. Избежать...

.....

Насколько, конечно, так нужно было извратить разум, чтобы по прошествии какого-то времени уже и перестать что-либо понимать.

И при этом Веригину казалось, что все это происходит совсем даже не с ним. Словно был какой-то человек, которого он так неожиданно вдруг почувствовал. И от которого же потом так стремительно хотел избавиться.

.....

Действительно ли это был не он? Справедливее должно быть сказать - не он один. Но и в то же время - куда же тогда деть всех тех, образ которых периодически затмевал и его. И пусть он от них хотел избавиться... Точно так же Веригин понимал, что этого он никогда не сделает. А через какое-то время, он как-то быстро (слишком быстро, можно было бы добавить) потерял ощущение реальности. И перестал

понимать, в каком измерении находится. Все свои мысли вовлекая в тот суматошный бег, в котором теперь пребывали они...

Глава 10

Ему вдруг вновь захотелось женщину.

Захотелось ощутить податливую мягкость ее тела. Обхватить ладошками ее груди. Припасть лицом к той части, которая скрывается между ее ногами. И слегка разведя их в стороны - всасывать в себя все то таинственное содержимое, что скрывается там.

.....

Женщину он нашел на удивление быстро.

Его буквально заорожила ее фигура. Кажущаяся нелогичность в построении тела.

Виной тому быть может был - слишком широкий таз; на фоне торчащих в разные стороны грудей. Маленьких грудей. Но которые, должно быть, как раз такими и должны были быть. Да еще этот взгляд. Взгляд, в котором какая-то игривость сочеталась с целомудренностью. И когда с одной стороны вам должно быть стыдно от мыслей, появившихся при разглядывании этой женщины. А с другой, ничего кроме того, чтобы наброситься, мять ее тело, хаотично срывать с нее одежду - вам уже и не должно было хотеться.

И ведь в этом не было чего-то странного. Да и что могло быть странного в удовлетворении того желания, во власти которого вы вдруг так неожиданно оказались. Ведь это на самом деле природа. Природа, в рамках которой, быть может, простирается вся ваша

жизнь. Жизнь, от которой когда-то вы хотели избавиться. Но сейчас вас уже ужасают подобные мысли. И как минимум вам хочется только одного - жить. Жить, чтобы испытывать то удовольствие, которое испытываете вы сейчас. Когда ваш разгоряченный член обхватывают губы этой незнакомки. И вы можете, не думая ни о чем, позволить себе закрыть глаза, чтобы отдаться силе желания. Желания исходившего в том числе и он нее. Ведь наверняка вы уже признались себе, что почувствовали это. Да и зачем на самом деле вам что-то скрывать? Ведь ни больше ни меньше - это ваша жизнь. Жизнь, которая окружает вас. Жизнь, которая сама включила вас в свой список. В список тех, в введении которых простирается все то, что расположено вокруг. Вокруг...

.....

Веригин признался себе, что это более чем прекрасно.

И что ничего такого раньше у него не было.

А если и было, то на самом деле сейчас он все испытывает совсем по другому. И наверняка - не так как раньше.

И ведь при этом он не верил тому, что с ним происходило.

Когда он мне поведал о том, я было задумался. Но почти тут же я понял, что собственно, ничего страшного и не происходит. Не происходит ничего того, чтобы мне стоило о чем-то печалиться. Тем более у меня впервые за долгие годы появился повод принять все с должным вниманием. Быть может попытаться даже разыграть какое-то участие в его судьбе.

В то время как мне и раньше казалось все происходящее с ним непонятным. Таким,- чего стоило, например, сторониться. И уж

наверняка, если бы хоть когда-нибудь мне бы удалось избавиться от мыслей, связанных с Веригиным, я бы должно быть сказал себе только спасибо. Вот ведь как вышло...

.....

Ему не хотелось удивляться.

Ему не очень-то и хотелось удивляться. Удивляться тому, что для него вдруг стало привычным то, что раньше он не понимал.

И даже если он это действительно недопонимал, сейчас с ним происходило что-то другое. На самом деле другое. Не такое как раньше...

Глава 11

Илона понимала, что Веригин изменился. Но странным было не только это. Ведь она почти точно также понимала, что изменились и все другие мужчины. Мужчины, которые ее окружали. Мужчины, с которыми она спала. С которыми она предавалась разврату. С которыми периодически пребывала в тех сексуально-порнографических позициях, скажи ей кто о которых раньше - и не поверила бы она, что это возможно. Ну или - возможно в ее исполнении.

Но ведь все это было так.

И это было правдой. Самой настоящей правдой. Правдой, которую она вдруг расхотела скрывать. Она и помимо этого

чувствовала в себе какую-то необычайную силу. Силу, которая скрывалась где-то в глубине ее. То ли в ее матке, которая теперь совсем не мыслила себя без прикосновения мужского члена (отчего Илона занималась любовью по несколько раз на день, пустившись в какой-то удивительный марафон). То ли в ее мозгах, которые ведь тоже изменились самым удивительным образом. Когда понимание чего-либо становилось попросту невозможным. И даже самое желание подобного походило на какую-то навязчивую идею. Которой, быть может, быть и не должно было вовсе. А еще справедливее, что совсем и не было. Не было... Не было чего-то такого, отчего Илоне Дапкунайте должно было стать стыдно. Что хотелось бы изменить. Подобного уже действительно не существовало...

.....

Странно... А это ведь и на самом деле было странно. Странно настолько, что совсем не хотелось, чтобы это хоть когда-нибудь повторялось. И при этом совсем не в силах было желать не повторения этого. Ибо без чего-то подобного я уже не мог жить. И если когда по настоящему задумывался (о чем-то подобном), то мне очень бы хотелось - чтобы это все было именно так. Так, и почти никак иначе. Никак. Иначе...

.....

Илона уже давно понимала, что она стала другой. И что весь мир - совсем другой. Совсем не тот, в котором она жила раньше. А ее чувства... Интересно... Илона задумалась. Действительно ли

изменились ее чувства? Ведь скорей всего, просто изменилось ее ощущение реальности. Тогда как сами чувства наверняка остались такими же. Да и что так-то уж могло измениться?! Притом что вряд ли это оказалось возможно, если учесть, что уже какое-то время она совсем ничего не понимала. Не понимала что происходит. Не верила тому, что что-то может быть совсем не так, как раньше.

Странно... Ведь вполне можно признать, что девушка вдруг перестала что-либо понимать. И тогда если это действительно так,- то нет ничего, что заставило бы ее вернуться в тот мир, в котором она когда-то пребывала. Да и так-то уж он ей был необходим? Ведь скорей всего - и нет. Зачем? Зачем он ей был нужен?

И уже тогда необходимо было принять, просто принять его. Принять - как есть. Принять тот мир, в котором она оказалась сейчас. Принять настолько, чтобы постараться забыть. Как-то постараться забыть... Забыть то - что было раньше...

Насколько это было трудно? Это было настолько трудно, что вполне может быть такого окончательно никогда и не произойдет. И если все это действительно так,- то на каком-то жизненном отрезке своего бытия, Веригину просто необходимо было слиться со всеми теми образами, которые рождало в нем его подсознание. Вот ведь как... И это, пожалуй, было самое правильное, что только могло быть. Что только могло бы быть. Ибо не было сейчас ни Марины Геннадиевны, ни Максима Леонидовича Захаревича. Не было Перечнева, Влада, Вики, Вечеркина, Куваева... Не было никого, о ком я упоминал на протяжении страниц этой книги. Как, быть может,- никогда и не было самой книги. Хотя бы потому, что все это - была жизнь. Та жизнь, в которой жил Марат Израилевич Веригин. И жила

Илона Дапкунайте. Жизнь, в которой периодически появлялись Павел Лурье, Соня, Припевкин... Появлялись многие... И почти точно также они уходили в небытие. Чтобы исчезнуть там навсегда. Ибо они вмещали в себя лишь временные образы. Образы, в которых вдруг оказывался я. Который на самом деле и являлся главным (и единственным) героем повествования. А все остальные...

Послесловие

Мне уже трудно судить, насколько же я изменился даже в том моем повествовании, участником которого как вроде бы недавно я оказался.

И наверное можно было сказать, что я-то как раз не принимал в этом никакого участия.

А быть может и не подозревал, что это все было так серьезно. Хотя и с другой стороны - не существовало никого, о ком бы я мог заботиться с долей той ответственности, которую прилагал в отношении самого себя. И уже тогда необходимо считать все произошедшее не иначе как фантазией.

Ну, или,- моим бессознательным. Тем, что скрывает подсознание. И что наверняка было. Было, есть, и как мне кажется - будет. Будет, конечно же, совсем независимо от того, что об этом думаю я. Да и вообще, должно быть, независимо от моих каких-то мыслей. Ибо сами мысли хотя и базируются в подсознании. Но вот мне сейчас совсем не хочется говорить, какие они у меня. Так же как и не хочется вспоминать всю ту мрачность, которую являют они...

P.S. Наверное ничего того, о чем поведал я - никогда не было.

Но если это так, то тогда вполне можно заключить, что не было и меня.

А это уже не совсем верно. Ведь... Ведь, не приснилось же мне все это?..

Сергей Зелинский

01 августа 2006 год.

© С.А.Зелинский. Фантазии
бессознательного.